

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Андрей Васильевич Каменский](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ГЛАВА I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ](#)
 - [ГЛАВА II. ОУЭН – САМ ХОЗЯИН](#)
 - [ГЛАВА III. СТАРОЕ И НОВОЕ](#)
 - [ГЛАВА IV. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В МАНЧЕСТЕРЕ](#)
 - [ГЛАВА V. НЬЮ-ЛАНАРК](#)
 - [ГЛАВА VI. ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА](#)
 - [ГЛАВА VII. БОРЬБА И СЛАВА](#)
 - [ГЛАВА VIII. НАЧАЛО ВРАЖДЫ](#)
 - [ГЛАВА IX. ПОЕЗДКА В АМЕРИКУ](#)
 - [ГЛАВА X. КООПЕРАЦИЯ И ОБМЕН ТРУДА](#)
 - [ГЛАВА XI. “КНИГА НОВОГО НРАВСТВЕННОГО МИРА”](#)
 - [ГЛАВА XII. ПУБЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ОУЭНА](#)
 - [ГЛАВА XIII. СМЕРТЬ И ИТОГИ ЖИЗНИ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Андрей Васильевич Каменский
Роберт Оуэн. Его жизнь и общественная
деятельность

Биографический очерк А. В. Каменского
С портретом Оуэна, гравированным в Лейпциге
Геданом

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Роберта Оуэна достаточно известно; но с ним в большинстве случаев связано представление о каком-то чудаке, растратившем все свое состояние на неудачные попытки к достижению всеобщего человеческого счастья. Жил и действовал он в то время, когда только начал складываться наш современный *индустриальный* строй; многие из реформ, которые он первый наметил и за которые боролся, сейчас вошли уже в жизнь и лежат в основании ныне преобладающих в ней течений. Но за ним следовало столько блестящих деятелей, наполнивших мир “шумом своего имени”, что память об этом человеке как-то потускнела и имя его, одного из благороднейших друзей человечества, стало отходить на второй план.

Помимо того что с деятельностью Оуэна связан громадный промышленный переворот, который, начавшись в Англии под влиянием изобретений Уатта, Аркрайта и других, положил основание всему нашему современному строю, – Оуэн почти с первых шагов на этом поприще проявил себя реформатором, другом рабочих и неутомимым борцом против тех зол, которые порождает фабричная система уже при самом ее возникновении.

Все свое состояние и всю свою долгую жизнь он отдал делу облегчения участи трудящихся классов. Сам работник с детского возраста, чрезвычайно даровитый, энергичный и практический человек, к тому же один из первых знатоков фабричного дела в Англии, – Роберт Оуэн был человеком, знавшим до тонкости то самое дело, которому он служил с таким самоотвержением, с такою верою и непреклонной энергией. Он сам жил среди народа, и ему хорошо были знакомы его страдания, происходившие от невежества и бедности, и против этих двух главных зол он боролся до конца своей жизни. Многие из попыток Оуэна были неудачны; но ни насмешки, ни порицания его врагов не могли сбить его с раз избранного им пути, и он оставался верен своей задаче до последнего дня своей долгой жизни.

Нравственный облик Роберта Оуэна до того привлекателен своею правдивостью, добротой, каким-то “благодатным, светлым спокойствием”, что, помимо всех его заслуг как общественного деятеля, на его личности невольно останавливаешь взгляд как на одном из лучших современных воплощений истинного христианина. Применяясь к ходячему шаблону, Роберта Оуэна нельзя назвать великим человеком или великим деятелем, игравшим крупную роль на одном из тех видных поприщ, которые обыкновенно составляют достояние истории. Он посвятил себя самой неблагоприятной деятельности, явившись в свое время единственным защитником только что народившегося рабочего класса, и понятно, что его ожидали на этом поприще частые неудачи и разочарования. Но главный интерес такой жизни заключается не в достигнутых успехах, не в блеске славы, а в верном служении высокому идеалу и в непреклонных попытках к его достижению.

Чтобы читатель мог составить себе ясное понятие о работе, выпавшей на долю Роберта Оуэна, нам следует коснуться в этом очерке его жизни общего состояния английской промышленности в период, предшествовавший его рождению, то есть до 1770 года, и сравнить его с теми громадными переменами, которые были вызваны повсеместным введением машин, после чего в течение каких-нибудь двадцати лет

окончательно рухнул старый порядок и на его месте вырос наш современный *индустриализм*, или *фабричная система* крупного производства, а с нею вместе и весь теперешний общественный строй.

Оуэн не особенно счастлив на биографов; считавшаяся до сих пор лучшим сочинением о нем английская книга Сарганта “Роберт Оуэн и его общественная философия” (1860) хотя и написана добросовестно по отношению к фактическим данным, но страдает духом партийности; другая маленькая книжка, Бутса (1869), – также не лишена этих недостатков. Лучшая английская биография Роберта Оуэна принадлежит перу его друга и сотрудника Л. Джонса. Это книга, отличающаяся богатством фактического материала и беспристрастием. Вместе с автобиографией Оуэна, изданной незадолго до его смерти в 1858 году, она послужила главным материалом при составлении нашего биографического очерка. Лучшее, что только существует о Роберте Оуэне в русской литературе, – превосходная статья Добролюбова (“Р. Оуэн и его попытки общественных реформ”), которую также пользовался автор очерка. Из сочинений Роберта Оуэна переведена на русский только его книга “Об образовании человеческого характера”.

ГЛАВА I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Рождение. – Школа. – Даровитый ребенок. – Религиозные увлечения. – Приезд в Лондон. – Ученик в стамфордской лавке. – Его хозяин. – Занятия Оуэна в Стамфорде. – Приказчик в Лондоне. – Тяжелая жизнь. – В оптовом складе Саттерфильда. – Привлекательный характер юноши. – Свое дело

Роберт Оуэн родился 14 мая 1771 года в маленьком городке Ньютауне в графстве Т Монтгомери в Уэльсе; он был младшим из семи человек детей. Отец его был седельником и, кроме того, содержал деревенскую почтовую контору. Его мать была дочерью мелкого фермера, из окрестностей того же Ньютауна.

Насколько известно, Роберт Оуэн был в детстве чрезвычайно бойким, даровитым мальчиком. Еще до пяти лет он стал посещать местную школу и поражал учителя своей любознательностью: он был самым прилежным учеником. Оуэн сам рассказывает, как однажды, спеша в школу, наглотался горячей овсяной кашицы, так что с ним сделалось дурно. Последствия этой детской неосторожности остались на всю жизнь, и он всегда страдал плохим пищеварением. К семи годам ученик уже исчерпал весь запас знаний своего учителя, и тот сделал его своим помощником; эту обязанность Оуэн исполнял в течение двух лет и пособлял педагогу в обучении других ребят, многие из которых были гораздо старше него; таким образом, уже с раннего детства приобрел он навык передачи знаний другим. Как все рано развивающиеся дети, Оуэн проявил большую страсть к чтению; книгами снабжали его местные пастор, доктор и стряпчий. Он поглощал их с жадностью и скоро истощил всю местную библиотеку. В числе книг, прочитанных им за это время, были самые разнообразные, начиная с “Робинзона Крузо” и романов Ричардсона и кончая тяжелыми богословскими трактатами. Когда ему было около восьми лет, он познакомился с тремя проживавшими в том же городе весьма религиозными старыми девами, принадлежавшими к секте *методистов*.^[1] Они сильно заинтересовались умным ребенком и попытались обратить его в свою веру, снабжая его множеством брошюр религиозно-нравственного содержания. Но мальчик благодаря уже прочитанным книгам был отчасти знаком со многими из учений постоянно враждующих между собой сект, и в его голову закралось сомнение “в истинной религиозности людей, так

ненавидящих друг друга”, как он сам пишет впоследствии. Однако под влиянием этих религиозных тревожений он сам сочинил три проповеди и тщательно хранил их, пока не прочитал монолога Гамлета о Йорике. Тут он убедился, что Шекспир уже многое предвосхитил и, опасаясь обвинения в литературном воровстве, поспешил бросить свое произведение в печь.

Можно себе представить, в какой ужас пришли три благочестивые девицы, увидев столь неожиданный результат их забот о спасении мальчика. Но богословские вопросы не отвлекали его от детских забав, и он отличался между своими сверстниками во всевозможных играх; он также выучился танцевать и, кроме того, потешал местную публику, разыгрывая разные популярные в то время песни на кларнете.

У Роберта был старший брат, также седельник, как и его отец, занимавшийся своим ремеслом в Лондоне; к старшему брату родители и решили отправить мальчика, когда ему минуло десять лет. В своей автобиографии Оуэн описывает это длинное в то время путешествие на империале почтовой кареты, – как он дрожал всю ночь от холода и как, несмотря на просьбы кондуктора, какой-то сердитый пассажир не позволил поместить его внутри кареты. “Было темно, – говорит Оуэн, – так что я не мог разглядеть ни самого пассажира, ни сколько народу помещалось внутри... я был рад потом, что не видел его, потому что мне не пришлось сердиться на человека, столь жестоко относившегося к ребенку”.

Он встретил радушный прием в семье своего брата в Лондоне, но провел у него только шесть недель. По просьбе друзей его отца мальчика взял учеником в свою лавку крупный торговец сукнами и шерстяным товаром Мак-Гуффог, живший в Стамфорде, в графстве Линкольншир. Первый год Роберт должен был служить без жалованья; на второй год хозяин положил ему 80 рублей и 100 – на третий. Оуэн, оставался в суконной лавке Мак-Гуффога в течение трех или четырех лет, и проведенные там годы имели для него большое значение. Он весьма хорошо отзывался о своем хозяине, который полюбил его. Это был человек добрый, замечательной честности и с образованием. Он начал свою карьеру странствующим сельским торговцем и теперь нажил большое состояние, причем пользовался всеобщим уважением не только между низшими классами городского населения, но и среди местных землевладельцев, которые, по словам Оуэна, во время приездов в город из своих имений обыкновенно назначали свидания в его складе.

Здесь Оуэн приучился к аккуратному, методическому ведению дела и приобрел много практических сведений, пригодившихся ему впоследствии; но что было еще важнее для ученика, – в доме его хозяина находилась

довольно богатая библиотека, которою Роберт мог свободно пользоваться. Дело в лавке было сравнительно легкое, с десяти до четырех часов; так что он мог посвящать чтению по пять часов в день. Вблизи города находился чудный Борли-Парк, и прогулки по его тенистым аллеям с книгою в руках были лучшим летним удовольствием для мальчика.

“Часто, – говорит Оуэн в своих воспоминаниях, – я проводил время в парке с трех или четырех до восьми утра и потом опять вечером, с шести до наступления темноты. Я выписал многие из поучений Сенеки в небольшую тетрадку, которую носил в кармане, и моим лучшим удовольствием было размышлять о них именно здесь... В этом же парке, служившем мне библиотекой, перечитал я множество хороших книг... часто утром я встречал здесь восход солнца и вечером провожал его на покой...”

По окончании срока своего ученичества Оуэн оставил Стамфорд, хотя сильно полюбивший его хозяин и удерживал мальчика у себя. Но ему хотелось посмотреть свет, и, кроме того, побывав у разных хозяев, он мог лучше ознакомиться со своим делом. Без сомнения, его тянуло и на родину, к своим, так как привязанность к отцу, братьям и к родной семье составляла одну из отличительных черт его характера. Получив от своего старого хозяина самый лучший аттестат, Оуэн первым делом отправился в Лондон, к своему брату. В это же время он побывал и в родном Ньютауне; по его словам, не только родные, но и все жители маленького городка, знавшие его в детстве, чрезвычайно обрадовались ему.

После этого он поступил в большой оптовый склад шерстяных изделий Флинта и Пальмера в Лондоне. Это был один из самых известных в городе торговых домов, стоявший на Старом лондонском мосту, еще в то время застроенном зданиями. Оуэн получал здесь 250 рублей жалованья, пользовался всем готовым и считал себя “богачом”, но зато и работа была тяжелая. Приказчики должны были являться в лавку уже к восьми утра, а в весенние месяцы торговля иногда продолжалась и после десяти вечера; но работа на этом еще не кончалась, так как служащие должны были привести в порядок и положить на место все куски материи, развернутые перед покупателями в течение дня. Таким образом, они иногда уходили из лавки только в два часа утра. “Простояв целый день на ногах, – говорит Оуэн про это время своей жизни, – я едва был в состоянии, придерживаясь за поручень лестницы, добраться до моей кровати”. Кроме приказчиков в этой поистине каторжной работе принимали участие и молодые девушки.

Вдобавок ко всему от служащих требовалось, чтобы они являлись перед покупателями не иначе как при полном параде и не пренебрегали тонкостями довольно сложных куафюр^[2] того времени. “Прическа была нешуточным делом в то время, – говорит Оуэн. – Мне приходилось ждать очереди с раннего утра, пока парикмахер напудрит, напылит и завьет мои волосы и приведет в порядок косу назад. В другом виде мы не смели появляться перед покупателями”.

Совершенно измученный такой непосильной работой, Роберт обратился к своим родным с просьбой похлопотать для него о другом месте и в начале лета получил приглашение на место приказчика в большой оптовый склад шерстяных изделий Саттерфильда в Манчестере. Ему давали здесь уже 400 рублей, предоставляя пользоваться всем готовым. Четырнадцатилетний мальчик с радостью ухватился за это предложение и тотчас же переселился в Манчестер, где ему пришлось провести несколько знаменательных лет, имевших решающее влияние на всю его жизнь. Как и раньше, старые хозяева удерживали его и расстались с ним с сожалением.

Вообще Роберту Оуэну, все время пока он служил у других, весьма везло на хозяев; везде любили и ценили этого мальчика как отличного, исполнительного работника; ценили также его открытый, кроткий нрав и исполненное скромности достоинство, с которым он держал себя. Всех общавшихся с ним – и в этом, пожалуй, заключается тайна его первых успехов в жизни – невольно привлекала к себе эта открытая, благородная натура, чуждая всякой лжи и зависти, полная энергии и одновременно детски простая. Нужно полагать, судя по некоторым местам его автобиографии, что основные черты характера Роберта Оуэна под влиянием перечитанных им с раннего детства книг богословского содержания, полных противоположных взглядов разных сект, уже сложились в это время и что основная идея, проникавшая всю его жизнь: о первостепенном значении человеческого братства, взаимопомощи и любви, – уже твердо укоренилась в его уме в эти первые годы его молодости.

Немалое воспитательное значение для Роберта Оуэна имело и то обстоятельство, что в эти юные годы ему приходилось сталкиваться со множеством людей самых разнообразных характеров и положений в обществе. В Стамфорде у Мак-Гуффога это был высший класс земельной аристократии; лавка на Лондонском мосту посещалась обыкновенными уличными покупателями – рабочими и небогатыми горожанами; в Манчестере у Саттерфильда Оуэн видел купцов, фабрикантов и фабричных рабочих. Неудивительно, что при его врожденной наблюдательности он успел в ту пору жизни, когда многие сидят на школьной скамье,

приобрести уже значительный запас житейской опытности и познакомиться с нравами и характерами людей разных сословий.

Оуэн проработал на складе Саттерфильда до 18 лет. В это время он познакомился с одним ремесленником по имени Джонс, делавшим проволочные каркасы для женских шляпок. Оуэну часто приходилось по делу сталкиваться с ним. Джонс рассказал ему о новых удивительных машинах в прядильном деле, которые начинали тогда входить в употребление (1789 год), и прибавил, что он всеми способами старается познакомиться с ними, так как на этом деле можно нажить большие деньги. Несколько времени спустя Джонс сообщил, что ему наконец удалось увидеть некоторые из новых машин в действии и что, по его мнению, он может сделать такие же. Он предложил молодому приказчику взять его к себе в товарищи, если тот со своей стороны сможет внести в дело тысячу рублей, так как, по его предположению, одних барышей будет достаточно, чтобы продолжать и расширить предприятие. Теперь это кажется ничтожной суммой для такого дела; но в те времена, когда бумагопрядильные фабрики только начинали развиваться, случалось много такого, что может показаться теперь невероятным. Роберт решился войти в предприятие своего приятеля. Он занял требуемую сумму у своего брата и оставил своих хозяев.

ГЛАВА II. ОУЭН – САМ ХОЗЯИН

Причины, побудившие Оуэна начать свое дело. – Новое промышленное движение. – Дела мастерской. – Роберт Оуэн открывает свою прядильную мастерскую. – Управляющий фабрикой Дринкуотера. – Блестящий успех. – Хозяин приглашает его компаньоном. – Введенные им в прядильном деле усовершенствования. – Слава его изделий. – Разрыв с Дринкуотером

Чтобы понять, как мог решиться “не очертя голову” на такой смелый шаг восемнадцатилетний юноша, следует иметь в виду то время, которое переживал теперь Роберт Оуэн, а также и что за человек он был сам по себе. Сколько известно, Оуэн уже в самой ранней молодости отличался чрезвычайной серьезностью, сообразительностью и ясностью ума; в то же время он был замечательно трудолюбив и энергичен. Новые изобретения Аркрайта, Кромптона и Уатта, произведшие такой переворот в промышленности и привлекавшие всеобщее внимание, не могли не увлечь и нашего даровитого юношу. Изобретения эти совершенно изменили весь прежний строй жизни людей, причастных промышленному делу.

К 1789 году, когда Роберт Оуэн начал свою самостоятельную деятельность, старинные порядки уже являлись почти исключением; но перемены в системе работы и в связанном с работой образе жизни часто происходили на его глазах, в виде частных случаев, о которых постоянно говорили. Поэтому участие Оуэна в новом деле было в духе времени и совершенно естественно, особенно при его предприимчивости и близком знакомстве с тем, что происходило вокруг него.

Не теряя времени, Роберт Оуэн со своим компаньоном тотчас же принялись за устройство прядильной мастерской, и вскоре у них уже работало 40 человек, занятых постройкой необходимых машин, причем материал они получали в кредит. Однако Оуэн скоро заметил, что товарищ его Джонс – человек несведущий и совсем не деловой; сам он хотя и не обладал практическим навыком в машиностроении, но был обстоятельно знаком с ведением коммерческих дел, со счетоводством и мог наблюдать за рабочими. Они строили так называемые *мюль-машины*,^[3] и хотя благодаря его наблюдению дело шло хорошо, но Оуэн, убедившись в неспособности своего товарища, был не прочь уйти от него. В это время Джонс нашел себе еще одного компаньона, с деньгами, и, так как они желали остаться вдвоем,

предложил Оуэну выделиться, с тем чтобы ему как участнику предприятия досталась известная часть машин. Юноше было теперь девятнадцать лет, ему предстояло одному начать жизненную борьбу. Когда пришло время окончательного расчета с компаньоном, Оуэн, получил от последнего только половину условленного числа машин; но и с ними он решил начать самостоятельное дело и открыл маленькую прядильню в одном из переулков Манчестера. Он стал покупать теперь грубую пряжу, переделывая ее потом в тонкую нить и поставляя товар фабрикантам кисеи, производство которой началось в Англии только с 1780 года. Со своей маленькой мастерской, при трех рабочих, Роберт Оуэн получал до трех тысяч рублей ежегодной прибыли и считал, что дела его идут очень хорошо. Он мог бы постепенно расширять свое небольшое дело, но этот процесс показался ему слишком медленным; в таком городе, как Манчестер, где как грибы росли большие предприятия, он предпочитал участвовать в какой-нибудь крупной фирме, – хотя бы на первое время и в качестве служащего, – чем вести самостоятельное маленькое дело с надеждою на отдаленный успех.

В это время владелец одной из больших манчестерских бумагопрядилен, некто Дринкуотер, искал управляющего на свою фабрику и поместил об этом объявление в местных газетах. Роберт Оуэн тотчас же явился к нему с предложением своих услуг. Пораженный его молодостью, Дринкуотер спросил, сколько ему лет и какое он желает получить жалованье.

– Три тысячи рублей, – отвечал молодой человек.

– Три тысячи рублей?! – воскликнул изумленный хозяин. – У меня сегодня утром перебивало с предложениями множество людей, и, пожалуй, все они, взятые вместе, не требовали столько, сколько вы желаете получить один.

– Я не могу руководствоваться тем, что просят другие, – отвечал юный претендент на место. – Я не могу взять меньше. Я зарабатываю эту сумму на своем собственном деле.

И он предложил нанимателю осмотреть его мастерскую и проверить его книги. Хозяин фабрики немедленно пошел с ним, осмотрел все и, собрав необходимые справки, тут же ударил с ним по рукам; при этом он приобрел у Оуэна и все его машины по цене их первоначальной стоимости.

Роберт Оуэн сам сознается, что поступил необдуманно. Сначала он испугался принятой на себя ответственности. На фабрике работало до 500 человек; он же не получил правильного образования, был молод и к тому же застенчив, даже почти робок, особенно в отношениях с незнакомыми

людьми, если они выходили за пределы его дела. Действительно, ему предстояли громадные заботы. Он совсем не привык управлять таким числом рабочих. Кроме того, Оуэн должен был сам покупать сырой материал, заниматься усовершенствованием машин, выделывать пряжу из хлопка, продавать готовые изделия, вести счета, рассчитываться с рабочими – одним словом, “руководить первым заведением для выделки самых тонких номеров пряжи”, причем после человека, который славился тогда как один из лучших знатоков этого дела в Манчестере.

Приводим рассказ самого Роберта Оуэна о том, как он справился с этими трудностями.

“Я осмотрел все это до мельчайших подробностей, а также ознакомился с чертежами машин, составленными моим предшественником; они оказались чрезвычайно полезными для меня. Утром я приходил на фабрику первым и сам запирали ее вечером, унося с собою ключи. Я продолжал таким образом присматриваться к делу в течение первых шести недель, отвечая только утвердительно или отрицательно на вопросы, с которыми ко мне обращались, и не делая в течение этого периода никаких прямых распоряжений”.

Фабрика уже отличалась тогда своими высокими номерами, то есть тонкостью выделываемой бумаги; но Оуэну удалось в скором времени еще более усовершенствовать качество товара, благодаря чему, конечно, увеличился и самый оборот. Владелец хотя и редко бывал на фабрике, но пристально следил за успехами своего молодого управляющего, весьма понравившегося ему, кроме того, своими скромными манерами. Он вполне сознавал, насколько удачен был его выбор. По прошествии шести месяцев Роберт Оуэн получил первое приглашение от своего хозяина в его загородный дом, причем тот добавлял, что имеет сообщить нечто важное. Роберт повиновался, хотя не без смутных ожиданий чего-нибудь неприятного. Поэтому он был сильно поражен, когда Дринкуотер обратился к нему с такими словами:

– Мистер Оуэн, я послал за вами, чтобы сообщить вам о деле одинаково важном для нас обоих. Я следил за вашими действиями и очень доволен всем, что вы сделали. Теперь я хочу, чтобы вы согласились совсем остаться у меня. Я дам вам три тысячи рублей за этот год; и если вы решитесь остаться, то на следующий год я положу вам четыре тысячи рублей, а на третий – пять тысяч. К тому времени у меня подрастут два

сына, и на четвертый год вы вступите в товарищество с ними и со мной и будете получать четвертую часть прибылей; вы сами знаете, какой суммы они могут достигнуть. Что вы скажете на мое предложение?

Конечно, Оуэну осталось только согласиться. Новый договор о будущем его участии в делах фирмы был тут же написан, и он повез домой в кармане его копию. Шел 1790 год, так что ему в это время еще не было двадцати лет. Такой невероятный успех, даже и по тогдашним меркам, конечно, обещал ему самую блестящую карьеру в будущем.

Дринкуотер при свидании дал ему все необходимые полномочия для усовершенствования дела. Как и раньше, Роберт Оуэн прикладывал все усилия, чтобы фабрика вырабатывала самые тонкие номера пряжи, причем ему приходилось обращать особенное внимание на качество покупаемого сырого материала – хлопка, так как требовались только самые лучшие и тонкие сорта; благодаря этому он получил такой навык в браковке сырья, что скоро стал считаться первым знатоком хлопка на английском рынке. Через год после своего поступления на фабрику, благодаря тщательному выбору сырого материала и сделанным им усовершенствованиям в машинах, Оуэн довел изделия фабрики до такого совершенства, что вместо № 120, считавшегося прежде самым тонким номером бумаги, он уже выделял № 300 и выше, то есть число мотков бумаги (в каждом мотке тогда было по тысяче аршин), выходявших из одного фунта хлопка, увеличилось при нем более чем в два с половиною раза. За такую бумагу покупатели – особенно в кисейном деле – охотно давали на 50 % дороже обыкновенной цены, причем фабрика не успевала выполнять всех поступавших заказов. На товаре, выходявшем с фабрики, Оуэн выставял свое имя. О тех барышах, которые Роберт Оуэн тогда давал своему хозяину, можно судить по следующему расчету, приведенному в его записках. Он платил пять шиллингов за один фунт хлопка, из которого выделялось 250 мотков, а за них получал от фабрикантов около 100 рублей. Далее Оуэн прибавляет, что позже он довел это число до трехсот и выше; и если бы в то время существовала прежняя цена, то мог бы выручить до 360 рублей за каждый фунт бумаги. Конечно, все эти номера остались далеко позади современной техники бумагопрядения; но зато теперь не существует и подобных цен. В 1789 году за кисею платили в английских лавках по девять шиллингов за ярд (менее аршина), а в 1857 году, когда Оуэн писал свои записки, эта же материя, но гораздо лучшего качества, стоила уже два пенса за ярд.

Благодаря богатству Дринкуотера его фабрика выдержала кризис 1792 года, разоривший многих из манчестерских фабрикантов; дела Роберта

Оуэна тли хорошо по-прежнему и он был в самых лучших отношениях со своим хозяином, когда одно непредвиденное обстоятельство заставило его искать новое место.

У Дринкуотера была взрослая дочь, руки которой искал один очень богатый кисейный фабрикант. Предложение его было принято отцом, и дочь также согласилась выйти за него, хотя после некоторых колебаний. Честолюбивый жених стремился стать вместе со своим будущим тестем во главе *коттон-лордов*^[4] округа и потому настаивал, чтобы обе фирмы соединились; договор о товариществе с Робертом Оуэном в этом случае был бы нарушен, ибо хозяевами соединенного дела могли быть только члены семьи. До Роберта Оуэна уже доходили слухи об этом, и поэтому, когда Дринкуотер пригласил его к себе, он захватил с собою и копию договора, который должен был войти в силу с будущего (1794) года. Хозяин прямо сообщил ему о желании жениха его дочери, просил назначить сумму вознаграждения за нарушаемый договор, а также определить те условия, на которых Оуэн согласен остаться директором фабрики.

– Вы получаете теперь, – сказал он, – пять тысяч рублей в год, и я согласен уплатить вам всякую назначенную вами сумму.

– Я захватил с собой договор, – отвечал независимый управляющий, вынимая бумагу из кармана, – и бросаю его в огонь, так как не могу участвовать в деле, где меня не желают; конечно, при новых обстоятельствах я не могу также остаться вашим управляющим, ни на каком жалованье.

Договор тут же сгорел в камине, и Оуэн возвратился в Манчестер, обещая только не оставлять фабрику до назначения ему преемника.

ГЛАВА III. СТАРОЕ И НОВОЕ

Новая промышленная эра. – Время ручного труда. – Система домашнего производства. – Старая промышленность Англии. – Сельские мастерские. – Государственные расходы на бедных. – Мелкие водяные фабрики. – Период великих изобретений. – Аркрайт и Кромптон. – Паровая машина и сделанный ею переворот. – Новый строй и новые условия труда. – Фабричные дети. – Доклад о быте фабричных д-ра Персиваля. – Его историческое значение. – Участие в нем Роберта Оуэна. – Зло, внесенное новым фабричным строем. – Роберт Оуэн останавливается на своей будущей деятельности

1770 год, почти совпадающий с годом рождения Роберта Оуэна, может быть принят как начало новой эры в развитии английской промышленности. Старая система отжила свое, и в течение последующих двадцати лет, до 1790 года, произошел громадный промышленный переворот, целая мирная революция, по значению своему может быть не уступающая и французской, – когда, под влиянием великих изобретений Уатта, Аркрайта и других, рухнул старый порядок и на смену ему явился наш современный индустриализм, или фабричная система крупного производства. Чтобы ясно представить себе, насколько резок контраст между строем промышленной жизни, господствовавшим до 1770 года, и сменившим его новым укладом, на фоне которого протекала жизнь Роберта Оуэна, нам придется коснуться и того, и другого, и особенно тех перемен в жизни работника, которые произошли в течение такого краткого промежутка времени под влиянием уже названных великих изобретений.

Весь период, предшествовавший 1770 году, может быть назван эпохой *ручного труда*, когда мужчины, женщины и дети при помощи простых, грубого устройства орудий делали все, что только было необходимо для удовлетворения общественных потребностей. Ручной труд, таким образом, являлся основанием всех соображений о размерах производства, накоплении богатств и вообще основанием всего, что принято называть *прогрессом*. С 1770 года человека начала вытеснять *машина*, и это вытеснение происходило с такою поразительною быстротой, что к началу следующего столетия почти повсеместно *машина* заняла уже первое место, а человек отошел на второй план. В старые времена первенствующая роль принадлежала ручному труду и условиям жизни работника; при новом порядке на первом месте оказалась машина, соображения о возможности ее

применения и о том, каким образом получить с ее помощью самые выгодные результаты. Можно сказать без преувеличения, что этот краткий двадцатилетний промежуток, с 1770 по 1790 год, по той резкой перемене, которую он внес в человеческие отношения, почти не имеет себе равного в истории и во всяком случае должен быть признан одним из самых важных по своим последствиям.

До 1770 года промышленность Англии развивалась медленно. Иностранная торговля была незначительна; свирепствовал запретительный тариф; контрабанда распространилась повсюду, и главными предметами вывоза были не мануфактурные изделия, а сырые продукты: шерсть, зерно и т. п. При отсутствии сколько-нибудь значительной иностранной торговли главный заработок населения страны почти всецело зависел от внутреннего рынка; и так как везде преобладал ручной труд, то увеличение спроса на рабочие руки шло рядом с приростом народонаселения. За исключением периодически повторявшихся неурожаев и повальных болезней, никаких потрясений промышленная жизнь того времени не испытывала. Производство и потребление почти уравнивали друг друга, а накопление капиталов происходило медленно, и распределялись они между множеством мелких хозяев. Спекуляции почти не существовало, так как не появлялось ни новых товаров, на которых можно было бы спекулировать, ни новых рынков для конкуренции, и случаи быстрого обогащения встречались чрезвычайно редко.

В Англии разводились громадные стада овец; шерсть требовалась в большом количестве и для домашнего потребления, и для иностранного вывоза, поэтому баранина была дешева. Прядение шерсти и вообще шерстяной промысел во всех его отраслях были самым распространенным занятием среди большинства населения, которое занималось этим делом, а также и другими производствами на маленьких фермах, раскиданных по всей стране, как правило соединяя ремесленный труд с сельскими работами, подобно нашим кустарям; поэтому свинина, молоко, яйца, зелень и другие предметы потребления являлись домашними продуктами, были дешевы и доступны массе работников. Производство имело домашний характер, мастерские помещались на фермах или в сельских хижинах, и ничего подобного современной фабрике не существовало. Мелкий хозяин – а таких было большинство – держал известное число мастеров и несколько учеников, и соотношение первых и вторых определялось даже законом. Вследствие отсутствия машин спрос на рабочие руки в той или другой отрасли труда не подвергался резким колебаниям, и промышленная жизнь текла однообразною, спокойною струей, причем благодаря

существовавшему обычаю, по которому ученик обыкновенно на протяжении всех семи лет своего обучения жил в доме хозяина, между последним и его работниками устанавливались почти патриархальные отношения. Хозяин, по большей части сам бывший прежде учеником и работником, жил чрезвычайно скромно, нанимал на свои *сбережения* лишних рабочих и принимал к себе новых учеников, делая при этом нужные пристройки к своей мастерской, если того требовал увеличивавшийся спрос на его изделия. Когда случалось затишье в деле, оно редко сопровождалось полным прекращением заработка; хотя он и уменьшался, но каждый зарабатывал что-нибудь и, кроме того, благодаря долголетним близким отношениям работник чаще встречал своевременную помощь со стороны хозяина, хорошо знакомого с его бытом и потребностями. Промышленность развивалась равномерно, потому что прямо вытекала из действительных потребностей, и всякие потрясения и кризисы, являющиеся следствием переполнения рынка, были совершенно неизвестны.

Время с 1778 по 1803 год было лучшим периодом для ткачей и прядильщиков. Ручные машины, заменившие прежнюю самопрялку, распространились по фермам и хижинам, для них сделали пристройки; ткач не ощущал недостатка в материале, и работа его шла безостановочно. На бумажные изделия был повсюду громадный спрос. Все трудились дома и имели хорошие заработки, пока не появились громадные фабрики с их приводимыми в движение паром станками, которые сразу поглотили всю эту *домашнюю* промышленность.

В 1776 году, до наступления *промышленной революции*, в Англии расходы на бедных составляли около семи миллионов рублей; в 1783 году они уже превышали 20 миллионов рублей, а в 1880 году сумма, ежегодно расходуемая Англией на свое нуждающееся в заработке население, дошла до 80 миллионов рублей. Замечательно, что внешняя торговля Англии за это же время возросла с 230 миллионов в 1782 году до 6 1/3 миллиарда рублей в 1880 году.

Громадным паровым бумагопрядильням с их сотнями и тысячами рабочих предшествовали маленькие фабрики, рассеянные в разных местах Англии по берегам речек и ручьев, среди ферм и деревень. Здесь первое время работали только прядильные станки Аркрайта, приводимые в движение водой. Мелкие хозяева таких фабрик всю ткацкую работу выдавали на руки по деревням и фермам, и до применения паровой машины Уатта и ткацкого станка Аркрайта производство все еще сохраняло домашний характер.

Начало переходу от домашней формы производства было положено четырьмя великими изобретениями. В 1770 году Джеймс Хэргривс, ткач из Блэкборна, взял привилегию на свою *прялку Дженни*, состоявшую из рамы с несколькими веретенами, на которой сразу прялось несколько нитей вместо одной, как в старинной ручной самопрялке с колесом. Хэргривс сначала применил свою машину только у себя дома и нашел, что производительность труда увеличилась против прежнего в восемь раз. В 1771 году Аркрайт устроил, прядельную фабрику в Кромптоне на реке Дервент, где работали упомянутые уже его прядельные *водяные станки*. Через несколько лет (к 1779 году) оба эти изобретения были вытеснены станком Кромптона, тоже прядельщика, сына мелкого фермера, проживавшего близ Болтона. В его машине, называемой у нас *мюль-машинной*, были соединены принципы двух предыдущих изобретений, откуда и произошло ее народное английское прозвище *themule*, то есть *мюль*, выражающее ее смешанное происхождение. Это изобретение сразу увеличило до громадных размеров производительность работы; мюль-машина Кромптона, сохранившая свои основные черты, составляет главную принадлежность и современной бумагопрядельной фабрики, где часто на одном станке, под наблюдением одного рабочего, действует до 12 тысяч веретен. Это изобретение дало громадный толчок развитию бумагопрядельного производства, и к 1811 году в Англии уже работало более 4 1 /2 миллиона веретен. Кромптон же, подобно многим изобретателям, умер в бедности (в 1827 году).

Но эти три машины только увеличили до неслыханных размеров производство пряжи из сырого материала; теперь требовалась машина, которая могла бы поспевать за ними, перерабатывая пряжу в ткань. В 1785 году кентский пастор Картрайт взял привилегию на *механический* ткацкий станок. Хотя станок и подвергался с тех пор многим усовершенствованиям и вошел в большое употребление только после 1813 года, но во всяком случае принцип был найден, и машина Картрайта вместе с прядельным станком Кромптона способствовала окончательному уничтожению домашней системы производства, еще державшейся некоторое время в ткацком деле. Паровая машина Джеймса Уатта нанесла домашнему производству последний удар. Привилегия на нее была взята в 1769 году; вначале она употреблялась в копиях вместе с насосами для выкачивания воды из шахт, но с 1785 года уже получила применение и на бумагопрядельнях. Хозяева фабрик сразу заметили преимущество пара над водяным колесом, и паровая машина стала быстро заменять его; через пятнадцать лет производство паровых машин устроилось, а к 1810 году,

через 30 лет после того как был пущен в ход первый станок Аркрайта, в Англии уже дымились высокие трубы 600 бумагопрядилен, общий тип устройства которых сохранился повсюду и теперь.

Кроме бумагопрядения, все перечисленные машины с разными новыми приспособлениями получили применение и в остальных отраслях, занимающихся производством тканей. Маленькие прядильни и ткацкие, ютившиеся по берегам рек и ручьев, среди ферм и деревень, стали быстро исчезать, уступая свое место громадным фабрикам с сотнями и тысячами закупоренных в них рабочих; фабрики эти часто открывались в городах или давали начало новым городам, вырвавшимся около них, и не зависели, как прежде, от близости воды, служившей движущей силой. Народившиеся хозяева нового типа изо всех сил спешили с устройством паровых фабрик, которые росли как грибы. Торговцы, прежде не занимавшиеся производством и скупавшие пряжу у сельских жителей, стали организовывать теперь большие мастерские и старались сосредоточить около них как можно больше ткачей, причем они уже сами выдавали пряжу рабочим. Вскоре после этого работники почувствовали всю разницу между старой и новой системами. Раньше они сами покупали пряжу, из которой должны были ткать, и являлись собственниками сработанной ткани; они сами были маленькими хозяевами. При новом же порядке рабочие очутились в полной зависимости от торговцев и фабрикантов. Вначале заработки их действительно повысились, потому что вследствие сразу увеличившегося производства увеличился и спрос на рабочие руки. Но это продолжалось недолго. Машина скоро оставила без дела многих искусных работников, которых заменили приставленные к ней женщины и дети; вместе с этим она поставила их в полную зависимость от хозяина-капиталиста и повела к неслыханной до сих пор конкуренции в труде.

В некоторых отраслях фабричного производства работа детей являлась совершенной необходимостью, но отцы неохотно отпускали их на фабрики. Новые фабриканты, однако, вышли из этого затруднения, обратившись в рабочие дома, рассеянные по всей Англии, откуда и набирали потребное число учеников из числа призреваемых там детей нищих и незаконнорожденных. Их покупали, как товар, и гнали, как скотину, толпами к месту назначения; дальновидное начальство рабочих домов, весьма довольное случаем избавиться от них, выговаривало при этом, чтобы в числе так называемых учеников забиралась известная часть больных и идиотов. Когда эти дети достигали наконец той фабрики, где они должны были проработать всю свою жизнь, их поселяли в наскоро сколоченные бараки; их пища была самая плохая и часто выдавалась в

недостаточном количестве; на одних и тех же кроватях спало по две смены, так что пока одни спали, другие работали на фабрике, а возвратившись с работы, тотчас же бросались в постели, еще не успевшие остыть. Эти несчастные дети, конечно, не в состоянии были сами позаботиться о себе; не имея ни близких, ни родных, они находились в полной власти у тех людей, которые смотрели на них как на простые орудия труда. Их не только держали впроголодь, но жестоко били, если они засыпали на работе, и благодаря такой каторге они умирали как мухи. В Англии существует целая литература, посвященная описанию этих невероятных ужасов, почти не имеющих себе равных в ее истории и позорящих тот период, который положил начало ее промышленному величию. Но все это оставалось незамеченным обществом, пока между несчастными детьми не распространились повальные болезни, так что новые фабрики с их поселками постепенно стали превращаться в очаги заразы, грозившей ближайшему населению.

В 1796 году в Манчестере был учрежден Санитарный совет, куда д-р Персиваль представил свой доклад о состоянии рабочих на фабриках, которые вырастали в то время повсюду как грибы.

Этот доклад д-ра Персиваля, представляющий собою важный исторический документ, бросает свет на ту обстановку, в которой зарождалась наша современная фабричная система. Он обнаруживает, что эта система при самом возникновении своем не только совершенно игнорировала благосостояние народных масс, но являлась рассадником болезней и нравственного растления и что люди, получавшие громадные выгоды от ее функционирования, оставались, за немногими исключениями, безучастными свидетелями порождаемых ею зол, не делая со своей стороны ничего, чтобы воспрепятствовать их распространению. Громадная, многолетняя фабричная агитация в Англии, выросшая потом в целую систему фабричных законов, которые послужили образцом для всех государств Европы, началась, можно сказать, с появления этого документа; и в нем заключались указания почти на все те дурные стороны фабричного производства, борьба с которыми продолжалась до последнего времени.

Либеральные фабриканты, на поддержку которых надеялся д-р Персиваль, не вполне оправдали его ожидания. Предстояла сильная борьба с хозяевами, утверждавшими, что так как капитал в деле – их неотъемлемая собственность, то они имеют полное право распоряжаться им по своему усмотрению, без всякого вмешательства посторонних лиц, преследующих разные сентиментальные фантазии; что если они получают большие барыши, то принимают на себя и громадный риск, и что всякое

вмешательство, способствующее увеличению расходов, ведет лишь к торжеству иностранных конкурентов. Нашлись даже доктора, которые не постыдились свидетельствовать, что работа на фабриках не только не вредит здоровью детей, но, напротив, укрепляет его и способствует их развитию. Между самими рабочими усиленно распространялось мнение, что всякое обязательное сокращение рабочих часов, являясь, кроме всего прочего, нарушением их личных прав, повело бы только к сокращению их заработков.

Неудивительно после этого, что первые борцы за права детей, работавших на фабриках, не встретили поддержки даже среди их отцов. Уже с самого начала сделалось ясным, что общее законодательство по фабричному вопросу во всей его целостности невозможно принять вследствие яростного сопротивления хозяев и равнодушия рабочих. Поэтому первый парламентский акт о фабриках, принятый и изданный в 1802 году благодаря усилиям небольшой кучки благородных людей, одним из главных деятелей среди которых был Роберт Оуэн, – относился к так называемым *ученикам* и только вскользь касался вообще детской работы на фабриках, уже сильно распространенной в то время благодаря сосредоточению фабрик в городах. Но как ни недостаточен был по своим результатам этот первый эскиз фабричного законодательства, он проложил дорогу последующему, впервые установив правила, сколько-нибудь ограничивавшие бессовестную эксплуатацию детского труда. По этому закону число рабочих часов ограничивалось двенадцатью, ночная работа вовсе не допускалась, ученики должны были обучаться грамоте и счету и ежегодно получать от хозяина пару нового платья. Кроме того, требовалось, чтоб фабрику белили известкой два раза в год и чтобы в ней были сделаны приспособления для вентиляции. Для детей разных полов должны были быть устроены отдельные спальни. Чтобы следить за исполнением нового закона, каждый год во время летней сессии суда назначались два фабричных инспектора, – один из числа мировых судей ближайшего округа и один из местного духовенства.

Мы только наметили в главных чертах все то зло со всеми его последствиями и разветвлениями, которое вносил с собой *новый порядок*. Болезни, разврат, разрушение семейных связей, пьянство, нищета, сырое тесное жилье, гибель целых поколений, с детства зараженных болезнями и ослабленных непосильною работой, ужасающая смертность среди детей, всеобщее невежество, болезни, приобретаемые работниками в душных помещениях фабрик, чахотка, тиф, золотуха, преждевременная старость и в заключение всего – смерть в рабочем доме...

Многие из этих ужасов уже не существуют теперь; но в то время, при самом начале фабричной системы, когда одно чувство алчности, казалось, подавляло все другие соображения, такой человек, как Роберт Оуэн, не мог оставаться равнодушным свидетелем того, что происходило вокруг него и что грозило такими страшными последствиями в будущем. Машина, которая облегчала труд человека и по существу должна была более всего способствовать улучшению его участи, сделалась достоянием меньшинства и явилась одним из главных орудий эксплуатации. При новом порядке, в котором она играла такую важную роль, общество резко разделилось на два класса: меньшинство, у которого было *все*, и большинство, у которого не было *ничего* кроме рабочих рук и которому предстояла голодная смерть, если для этих рук не находилось работы.

Убедившись в существовании такого порядка, Роберт Оуэн сразу решил, какой ему держаться стороны, и наметил всю свою дальнейшую деятельность. Будучи натурой высокогуманной и придерживаясь воззрений, отличавшихся самою широкою терпимостью, он был неспособен к мерам насильственного характера. Оуэн ясно сознавал существующее зло, и все его сочувствие было на стороне страждущих; но многие из его планов по улучшению быта рабочих были рассчитаны на добровольное содействие лиц, заинтересованных в фабричном деле, и в этом скрывается корень многих из его неудач. Тем не менее, при ином образе действий, ввиду господствовавшего тогда в Англии настроения умов и расклада политических партий, вряд ли бы Оуэну удалось сделать и одну десятую долю того, что им действительно сделано для улучшения быта рабочих. Он ясно сознавал, что главные источники зла заключались в невежестве рабочих, в их беспомощности, происходившей от разрозненности, которою часто пользовались алчные хозяева, и в той величайшей несправедливости, что благами, проистекавшими от новых открытий в области точных наук и техники, пользовались не все люди, а только известное меньшинство. Проникнутый сознанием этих несправедливостей, он решился посвятить все свои силы борьбе с ними.

ГЛАВА IV. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В МАНЧЕСТЕРЕ

Известность Роберта Оуэна. – Оуэн на пути к богатству. – Сближение с кружком передовых людей. – Знакомство с Фултоном. – Поездка в Глазго. – Знакомство с мисс Дейл. – Первое посещение Нью-Ланарка. – Покупка нью-ланаркской фабрики. – Брак с мисс Дейл. – Оуэн становится во главе фабрики. – Его дружеские отношения с тестем

Когда Роберт Оуэн оставил фабрику Дринкуотера, имя его пользовалось такую известностью в деловом мире Манчестера, что многие из выдающихся фабрикантов предложили ему участие в своих предприятиях в качестве товарища. Проработав короткое время в одной из старейших фирм, Баррауеля и Аткинсона, он в конце концов перешел в новую Чарльтонскую прядильную компанию, которая под его руководством стала одной из самых выдающихся в Манчестере. Продукция фабрики покупалась нарасхват, по самым высоким ценам; участники предприятия получали громадные барыши, и Роберт Оуэн стоял теперь на пути к быстрому обогащению.

Эти годы его жизни в Манчестере имеют значение потому еще, что он здесь сблизился с самыми образованными и развитыми людьми. Кружок профессоров местной коллегии, собиравшийся по временам для обсуждения разных вопросов литературы и науки, превратился потом в известное *Манчестерское литературное и научное общество*, членами которого были самые образованные и передовые люди быстро разраставшегося города; в числе последних находился и знаменитый Дальтон, профессор физики в коллегии, впоследствии прославившийся своей “атомистической теорией”; председателем общества являлся д-р Персиваль, автор знаменитого доклада о фабричной работе детей. Роберт Оуэн, уже известный своими независимыми взглядами по вопросу о фабричных рабочих, был допущен в этот избранный кружок. Здесь он предпринял свои первые, весьма неудачные, по его словам, попытки в ораторском искусстве. “Весь красный и растерянный, я произнес несколько бессвязных фраз и был совершенно убит сознанием, что мне так позорно пришлось обнаружить свое невежество и неловкость”, – говорит он в своей автобиографии. Но впоследствии новый член преодолел свою врожденную робость и сделался одним из видных ораторов в кружке, где его даже

прозвали “рассуждающей машиной” за искусную диалектику и строгие логические выводы. В это время он сблизился с д-ром Персивалем и принимал деятельное участие в составлении его знаменитого доклада; здесь же он познакомился с известным поэтом Колриджем, приезжавшим тогда в Манчестер, и даже участвовал в одном диспуте с его участием. Вообще нужно полагать, что Оуэн, что касается его самообразования, после окончания учебного курса сельской школы не терял даром времени, если он мог принимать участие в оживленных дебатах с передовыми учеными и литераторами Манчестера и был признан человеком, вполне достойным их общества. Роберт Оуэн часто проводил здесь свои свободные вечера; это общество имело громадное влияние на его развитие и часто привлекало его внимание к вопросам более важным, чем выделка тончайших номеров бумажной пряжи.

Во время своего пребывания в Манчестере Роберт Оуэн сошелся с одним человеком, имя которого получило потом всемирную известность. В 1794 году в одном доме с ним снимал комнату американец Роберт Фултон (изобретатель парохода), тогда еще совершенно неизвестный и бедный молодой человек, приехавший в Англию, чтобы найти капиталиста для осуществления придуманной им машины для земляных работ. Молодые люди подружились, и Оуэн даже снабдил нуждающегося изобретателя деньгами, с которыми тот отправился в Глостер, где тогда начинались работы по устройству нового канала и где он надеялся пристроить свою машину. Из этого ничего не вышло; но благодаря помощи Оуэна Фултон имел возможность побывать в Глазго, где тогда Бель производил свои неудачные опыты с пароходом на реке Клайд; он сразу увидел, в чем заключались недостатки попыток Беля, и по возвращении в Америку осуществил первое практическое паровое судно, положившее начало той громадной отрасли техники, которая играет столь важную роль в современной жизни. Таким образом, Оуэн косвенно способствовал осуществлению одного из величайших изобретений нашего века.

По делам фабрики Оуэну часто приходилось бывать в Шотландии и между прочим в Глазго, уже тогда большом промышленном городе на реке Клайд. В одну из таких поездок он совершенно случайно познакомился с молодой девицей, мисс Дейл, дочерью одного из богатейших глазговских фабрикантов, пользовавшегося, кроме того, за свое благочестие большим уважением между сектантами округа. В разговоре при их первой встрече мисс Дейл спросила Оуэна, видел ли он водопады на Клайде и находящуюся там фабрику ее отца, и, получив отрицательный ответ, предложила дать ему рекомендательное письмо к своему дяде,

управляющему бумагопрядильней.

Нью-Ланарк уже давно славился редкою красотой своего местоположения, и Роберт Оуэн воспользовался любезным предложением молодой девицы. Место это произвело на него сильное впечатление, и он говорит в своих записках, что после осмотра фабрики он обратился с такими словами к сопровождавшему его приятелю: “Из всего доселе виденного мною это место кажется мне самым подходящим для осуществления одного опыта, который я уже давно задумал”, – конечно, не предполагая, как он говорит далее, чтобы подобное желание когда-нибудь исполнилось. Но вышло так, что случайная встреча с молодою девицей привела не только к осуществлению его мечты, но и к крупному перевороту в его жизни.

Случайно начавшееся знакомство между молодыми людьми продолжалось. Неясно, кому принадлежала тут более активная роль (некоторые из биографов утверждают, что мисс Дейл с первого раза решила, что Роберт Оуэн будет ее мужем), тем более что Роберт Оуэн отличался тогда большою робостью в обращении с женщинами, которые, по его словам, были известны ему исключительно “как покупательницы”, – но только молодые люди понравились друг другу, и этот роман из фабричного мира, начавшийся для Оуэна так неожиданно, завершился его браком с мисс Дейл и приобретением, в компании с другими лицами, нью-ланаркской фабрики ее отца.

Хотя Оуэн и получил согласие мисс Дейл, но ему до сих пор не приходилось видеть ее отца. Он решил, что лучшим предлогом для такого свидания будут переговоры о покупке Нью-Ланарка, который Дейл, человек уже весьма преклонных лет и занятый многими делами, не прочь был продать. Роберту Оуэну было в это время 26 лет, но он выглядел гораздо моложе. Старик отнесся вначале очень недоверчиво к его предложению, посчитав его аферистом; но, убедившись, что за Оуэном стоят весьма солидные капиталисты и крупные фабриканты, взглянул на дело серьезнее и после непродолжительных переговоров согласился уступить Нью-Ланарк за предложенную Робертом Оуэном цену в 600 тысяч, с рассрочкою платежа на 20 лет. Покупка состоялась в 1797 году, и Роберт Оуэн, в качестве товарища, участвующего в девятой части прибылей, и с жалованьем в 10 тысяч рублей, стал во главе дела, которому посвятил 30 лет своей жизни и свои лучшие силы. Вопрос о браке с мисс Дейл, перемешанный со всеми этими деловыми переговорами, получил свое разрешение несколько позже. Старик все еще продолжал противиться. В деревне Нью-Ланарк, купленной вместе с фабрикой, был дом, в котором

дочери м-ра Дейла проводили летние месяцы. Покупатели просили бывшего хозяина пользоваться им по-прежнему; Оуэн, вступив в управление фабрикой, имел возможность часто видаться со своей возлюбленной и даже гулять с нею и ее сестрой по очаровательным окрестностям. Прослышав об этом, неумолимый отец потребовал было, чтобы дочери его переехали из Нью-Ланарка; но в конце концов все затруднения как-то исчезли, и брак совершился там же в 1797 году. Роберт Оуэн потом тесно сошелся со своим тестем и сделался одним из самых близких его друзей, несмотря на их полное различие в религиозных взглядах. Давид Дейл стоял во главе более чем 40 разных диссентерских общин Шотландии; Оуэн считал, что в основании верований всех этих различных сект лежало одно и то же заблуждение; но их частые споры благодаря взаимному уважению и убеждению в искренности друг друга никогда не переходили в раздражение и не порождали охлаждения между ними. Часто старик после долгого диспута говорил ему: “Ты должен быть прав, потому что так уверенно стоишь на своем”. Расходясь в религиозных вопросах, они близко сходились во всем, что касалось улучшения быта рабочих на фабриках, и Дейл многое сделал в этом направлении. Он умер на руках своего зятя, считавшего его своим лучшим другом.

ГЛАВА V. НЬЮ-ЛАНАРК

Очерк истории фабрики. – Нравы рабочих. – Безуспешность мер прежнего хозяина. – Трудность дела, предстоявшего Оуэну. – Его план действий. – Прекращение работы детей из приютов. – Новые помещения и столовая для рабочих. – Борьба с пьянством. – Общественные лавки и рынок. – Расчетные книжки. – Улучшения в фабричном деле. – Оуэн приобретает доверие и любовь рабочих. – Нью-Ланарк – первая станция будущей деятельности. – Воспитание фабричных детей и новое школьное здание. – Разрыв с компаньонами. – Оуэн – единственный хозяин. – Новые компаньоны. – Их противодействие и интриги. – Поездка в Лондон. – Оуэн находит новых товарищей, сочувствующих его деятельности. – Бентам и Аллен. – Торжество Оуэна. – Он во главе новой фирмы

Бумагопрядильная фабрика в Нью-Ланарке считалась одной из старейших в Шотландии. Она была устроена здесь в 1785 году главным образом из-за возможности использовать водяную силу, так как паровые машины тогда еще не применялись. Во всех других отношениях место это не представляло никаких выгод. Его окружала в то время дикая, неводеланная и малонаселенная страна. Дорог почти не существовало, и знаменитые водопады на Клайде почти не были известны. Рабочих здесь было весьма трудно найти; в 1791 году Дейлу удалось убедить эмигрантов с корабля, занесенного бурей в Гринок, отказаться от путешествия в Америку и поселиться в Нью-Ланарке. Здесь он выстроил дома для двухсот семейств. Основная масса рабочих на фабрике состояла из ирландцев и горных шотландцев – народа дикого и невежественного. Как и вообще на бумагопрядильнях того времени, у Дейла работало до 500 человек детей, набранных из рабочих домов. Но, будучи человеком добрым, он не походил на большинство хозяев того времени и старался по возможности облегчить судьбу этих несчастных; они имели сравнительно хорошее помещение, их досыта кормили, одевали, и даже были попытки к их обучению. Фабричная работа в то время еще не привлекала к себе массы сельского населения, между тем заведение отличалось большими размерами и требовало более двух тысяч работников; поэтому хозяину пришлось набирать их из среды бездомных и бродяг, – это был сброд из разных стран, невежественный и безнравственный. И в этом отношении Нью-Ланарк сделался даже хуже

многих других фабричных поселков того времени. Пьянство и лень были сильно распространены; сбережений не существовало, все заработки тут же пропивались. Воровство было страшное. Никто не доверял друг другу. Ссоры и драки были постоянным явлением. К этому еще следует присоединить путаницу в семейных отношениях: под видом учений, напоминавших учение секты мормонов, сюда проник самый грязный разврат. Семейства не существовало; детей с шестилетнего возраста брали на фабрику, где они оставались без всякого обучения и призора. Да и чему хорошему дети могли научиться дома, где они видели постоянно пьяного отца, драки между родителями, нищету и всеобщее расстройство.

Прежний хозяин потратил немало сил на свою нью-ланаркскую фабрику, но все это не привело ни к чему. Репрессивные меры, обыкновенно принимаемые в таких случаях, штрафы, расчет, уменьшение жалованья нисколько не поправляли дела. Рассчитанные за лень работники уходили, ничуть не жалея о покинутом месте, где ничто их не привлекало, а новые пришлецы, которые приходили им на смену, скоро вступали в общую колею. Таким образом, деморализация на фабрике была полная; с коммерческой стороны дело также велось плохо, и естественно, что Дейл получал лишь ничтожные доходы, когда передал его в руки Роберта Оуэна.

Вступая в управление таким делом, Оуэн хорошо сознавал всю важность предстоявшей ему работы: в его руках оказалось не только расстроенное коммерческое предприятие, но и громадный социальный эксперимент, который он сам задумал и успех которого зависел исключительно от него одного. Недаром он считал начало своей деятельности в Нью-Ланарке одним из поворотных моментов в своей жизни.

В это время ему было только 27 лет, но вся его прежняя деятельность, знание человеческой природы и особенно четырехлетний опыт управления фабрикой Дринкуотера, где ему уже удалось сделать многое для улучшения быта рабочих, немало облегчили его первые шаги.

Первое время, как и при поступлении к Дринкуотеру, Оуэн только старался во всех деталях ознакомиться с положением на фабрике. Он скоро убедился, что главное препятствие к улучшению дел заключалось в самих рабочих. Никакие прогрессивные меры не в состоянии были сделать из них других людей, и главною причиною фабричных неурядиц являлись враждебные отношения, установившиеся между хозяином и рабочими. Оуэн был убежден, что разумные улучшения условий труда рабочих и их материального быта скажутся и на изменении их нравственности и что только таким путем можно улучшить их отношение к хозяину дела. В те

времена, да и много лет спустя после того, большинство фабрикантов видели в своих рабочих простые орудия труда, вьючный скот, нужный только для того, чтобы выполнять известную работу; соображения о каких-либо улучшениях в их материальном быте им и в голову не приходили. Понятно поэтому, с каким недоверием рабочие смотрели на своих хозяев, часто даже в хороших начинаниях с их стороны видя только подвох и скрытое посягательство на свои интересы.

“Когда, – говорит Оуэн, – я сообщил своим ближайшим друзьям и родным, что хочу принять новую систему, основанную на началах справедливости и человеколюбия, и постепенно упразднить наказания, – все в один голос отнеслись ко мне с усмешкой, как к мечтателю, и всеми силами старались убедить меня, чтобы я не начинал такого безумного дела. Но я уже твердо решил это в своем уме и приготовился к борьбе со всякими препятствиями”.

А их было немало. Его товарищами в деле были коммерческие люди, ожидавшие процентов на свой капитал и известных выгод от предприятия, в которое они вложили свои деньги; поэтому Оуэн должен был сообразовываться с их интересами при каждом новом начинании. С другой стороны, фабричные рабочие смотрели подозрительно на новых хозяев, к тому же чужестранцев из Англии, и где было возможно препятствовали новым улучшениям. Они предполагали, что новые хозяева фабрики, нажившись на их работе, потом передадут их в руки других голодных аферистов.

В этих первых затруднениях Роберт Оуэн поступил очень умно и практично. Он выбрал из среды самих же рабочих более смысленных и порядочных, пользовавшихся доверием товарищей, и сделал их своими ближайшими помощниками. Им он откровенно поведал о своих планах и намерениях. Сказал, что, по его мнению, успех самого дела зависит от заботливости хозяина о благосостоянии своих рабочих и от добрых отношений между ними; чтобы они не судили поверхностно и не делали поспешных заключений из его первых действий, но имели в виду, что все это направлено к улучшению их материального быта; что он рассчитывает на их содействие, потому что их прямая выгода – насколько возможно помогать ему в осуществлении его планов, и чтобы все это они передали своим товарищам.

Кроме взрослых рабочих с их семьями Оуэн нашел в Нью-Ланарке до

500 человек детей, взятых из рабочих домов и так называемых *благотворительных приютов*; одной из его первых мер было прекращение этой ужасной системы.

Он выстроил теперь в деревне Нью-Ланарк обширное здание с удобными квартирами для рабочих и стал отдавать их внаем по такой цене, которая бы только покрывала издержки постройки, не давая при этом никакого барыша. Большинство рабочих, живших до того в грязных, лишенных света и воздуха хижинах, скоро увидели выгоды предложения Оуэна, убедились, что он действует по совести, и постепенно стали брать у него новые квартиры. Влияние нового жилья скоро сказалось не только на здоровье их и их детей, но и способствовало распространению между ними привычки к чистоте и порядку. До того все продукты домашнего потребления приобретались рабочими у разных лавочников и барышников, которые брали с них втридорога за товары низшего сорта; находясь в полной зависимости от этих барышников, они, конечно, всегда были у них в долгу. Оуэн стал скупать за наличные деньги из первых рук все необходимые предметы потребления, а также заключил соглашения с разными окрестными фермерами о поставке по определенной цене молока, зелени, топлива и т. п. и открыл в Нью-Ланарке склады и лавки, где рабочие могли приобретать по цене их заготовления (с небольшим процентом на затраченный капитал и на покрытие расходов по содержанию складов) все предметы первой необходимости. Оуэну пришлось тут выдержать немалую борьбу с барышниками, лишившимися своей наживы, а также с предубеждениями и подозрительностью рабочих, которые никак не могли допустить, чтобы хозяин делал все это спроста, без всякой задней мысли поживиться на их счет. Но в конце концов они убедились, что им выгоднее приобретать лучший товар по дешевой цене, чем платить втридорога за разный *брак*, и что Оуэн не имеет в виду наживаться на этом деле. В результате барышники, плуты-лавочники и всякое другое воронье, пожиравшее значительную долю их заработков, бесследно исчезли из Нью-Ланарка, и их сменили лавки и склады Оуэна. Труднее всего оказалась борьба с пьянством, сильно распространенным между рабочими, большая часть которых к тому же были шотландцы из горной части страны, где и без того велико потребление шотландского национального напитка *виски* (весьма крепкой водки).

По деревне было раскидано множество кабаков, в которых рабочие пропивали большую часть своих заработков. Пьянство и разгул стояли страшные. Как зачастую и в наших фабричных поселках, — здесь пропивался и настоящий, и будущий заработок; если кабатчик не верил в

долг, то рабочие тащили что возможно друг у друга или с фабрики. Поэтому в Нью-Ланарке было распространено воровство. Одуревший от чрезмерной работы на фабрике, рабочий шел в кабак, где напивался до бесчувствия. Понятно, что при таких условиях: при отсутствии всякой семейной жизни, при каторжной работе, непробудном пьянстве, – рабочий терял всякое сознание своего человеческого достоинства и жизнь в Нью-Ланарке, среди этой восхитительной природы, обращалась в совершенный *ад на земле*.

Убежденный в том, что пьянство, являясь следствием нищеты и невежества, часто привлекает человека и как запретный плод, как сравнительно дорогое и не всегда легкодоступное удовольствие, Роберт Оуэн решил на весьма смелую меру: рядом с существующими он открыл свои кабаки, где водка лучшего качества продавалась чуть не вполноцену дешевле. Пришлые кабатчики не выдержали такой конкуренции и постепенно исчезли. Вначале в питейных лавочках Оуэна царило сильное пьянство; но это продолжалось недолго. При отсутствии зазываний и всяких искушений, которыми привлекали многих прежние кабатчики, благодаря значительному улучшению материального положения рабочих, а также и тому обстоятельству, что водка стала уж слишком доступна и пьянство лишилось многих из своих привлекательных сторон, новые кабаки стали посещаться реже.

Открытая Оуэном одновременно с этим общая столовая для холостых работников (где по самой дешевой цене они получали здоровый и разнообразный стол), бывших до тех пор главными завсегдатаями кабака, также немало помогла ему в этой борьбе. Тут была впервые введена им система книжек, в которые вписывались траты на покупки в лавках, квартирная плата, стоимость обедов в общей столовой и другие расходы; каждую неделю производился расчет, причем рабочий получал на руки причитающуюся заработную плату за вычетом этих расходов. Рабочие скоро убедились, что для них гораздо выгоднее получать при расчете хотя и меньше денег, но зато иметь все необходимое для жизни по значительно более дешевой цене и лучшего качества, причем у них еще оставались сбережения; тогда как прежде они были вечно в долгу у лавочников и почти не видели своих денег, остаток которых зачастую пропивался в кабаке.

Одновременно с улучшением быта рабочих, положенным Робертом Оуэном в основание всех его реформ, он изменил и самый способ управления фабрикой; эти шаги вместе с техническими усовершенствованиями, применением новых машин и новых приемов работы, привели к тому, что фабрика стала одним из образцовых заведений

этого рода в Англии. Враг всяких принудительных и репрессивных мер, Оуэн хотел достигнуть своей цели, то есть добросовестности и прилежания рабочих, стараясь пробудить в них сознание взаимной пользы хозяина и работника, если их дело идет хорошо. Вот что он говорил им по этому поводу:

“От вашего старания зависит количество и качество фабричных продуктов, которое вы можете изготовить на продажу. Чем больше будет продуктов и чем выше их достоинство, тем более доходов получится с фабрики. Увеличение же доходов даст мне возможность больше сделать в вашу пользу, – возвысить задельную плату, сократить число рабочих часов, увеличить удобства вашего помещения и т. п. Вы видите, следовательно, что, работая хорошо, вы не для одних моих барышей жертвуете своим трудом, а имеете в виду вашу собственную прямую выгоду”.

Такой простой, ясный язык не мог не влиять на рабочих, и в довершение всего Оуэн предоставил их своему собственному суду, передав в их руки наблюдение за качеством и успешностью работ на фабрике. Никаких строгих надсмотрщиков, мастеров, донимающих штрафами и взысканиями, у него не было. Рабочие сами следили за добросовестным исполнением работы, и тот из них, который работал плохо и лениво, подвергался только порицанию своих товарищей.

Вся эта система, упорно проводимая Оуэном во всех мелочах, не замедлила принести свои плоды. В течение шести лет одновременно с улучшением домашнего быта рабочих пьянство и воровство постепенно исчезли; семейная жизнь вошла в нормальное русло, нравственный уровень поднялся до небывалой высоты, и фабрика работала так, как немногие в то время, доставляя огромные барыши хозяевам.

Немаловажное значение в приобретении Оуэном доверия рабочих имел и тот широкий взгляд, который обнаружил он по отношению к их различным религиозным верованиям и национальностям. В числе фабричных рабочих Нью-Ланарка были и католики, и шотландские пресвитериане, и приверженцы разных диссентерских сект. Всем им Оуэн объявил, что его нисколько не касаются их национальности и религиозные верования, что для него не существует никакой излюбленной народности и он не намерен отдавать предпочтение какой-нибудь одной религии; каждый может молиться и верить согласно своему личному убеждению и

склонности, и исповедуемая каждым из них вера не должна иметь никакого влияния на их взаимные отношения.

После шести лет, почти безвыездно проведенных среди этого народа, между которым его считали сначала пришлецом-англичанином, думающим только о собственной наживе, Роберт Оуэн увидел, что он приобрел их доверие и что все его труды и попытки к улучшению их быта уже оцениваются по достоинству и не встречают скрытого противодействия, как то было вначале. В 1806 году произошло событие, окончательно упрочившее ту нравственную связь, которая уже образовывалась между ним и рабочими. Вследствие временного разрыва с Америкой было наложено запрещение на вывоз хлопка в Англию, и цены на сырой материал страшно поднялись; многие фабриканты разорились, многие распустили своих рабочих. В этот критический момент Роберт Оуэн поступил совершенно своеобразно. Он, правда, прекратил работу на фабрике в интересах фирмы, но продолжал выплачивать жалованье рабочим и в течение четырех месяцев, пока стояла фабрика, уплатил им до семи тысяч рублей. Это окончательно завоевало ему любовь и доверие рабочих, которые с тех пор дружно шли с ним рука об руку во всех его новых начинаниях и реформах.

Но ему предстояла теперь другая борьба, – с его товарищами, прочими хозяевами дела. До сих пор деятельность Оуэна была главным образом направлена на улучшение быта фабричных рабочих и на подъем их нравственного уровня. Все те меры, которые он последовательно проводил в течение первых восьми лет, не требовали особенно больших расходов, и результатом их, как и ожидал он, явилось только увеличение доходности дела. Но не это было его главной целью. В его уме уже давно сложилась целая социальная система, *новый взгляд на общество*, и Нью-Ланарк был для него только первой станцией, местом для проведения первого испытания задуманной им социальной реформы, имевшей целью благо всех людей. Опираясь на фактический успех первого испытания, реформа эта должна была получить обширное применение повсюду. Разумное воспитание детей составляло одну из главных частей разработанной Оуэном теории *образования человеческого характера*, лежавшей в основании всей его деятельности в Нью-Ланарке. Теперь для него наступило время приняться за осуществление этой его главной идеи, для чего потребовалось устройство обширного здания со всеми приспособлениями для воспитания и обучения детей, начиная с двухлетнего возраста. На сооружение постройки и устройство всех необходимых приспособлений нужно было, по исчислению Оуэна, до 50

тысяч рублей и, кроме того, потребовались бы ежегодные затраты для осуществления всего задуманного им плана *рационального* воспитания. Оуэн не сомневался, что эти серьезные затраты впоследствии окупятся с избытком и поведут только к увеличению благосостояния фабрики; но он должен был помнить, что его товарищи, бумажные фабриканты, вступили в дело только ради выгоды. Это были коммерческие люди, интересовавшиеся цифрами ежегодного *баланса* в фабричных счетах, а никак не изменением нравственного уровня рабочих. Кроме того, ему приходилось бороться и с предрассудками родителей, не желавших разлучаться со своими детьми в таком раннем возрасте; но, пожалуй, наибольшие затруднения Оуэн встретил со стороны местного приходского пастора. Этот джентльмен, по словам самого Оуэна, с самого начала смотрел на управляющего нью-ланаркской фабрикой как на весьма опасного новатора, а поэтому считал своим долгом внимательно следить за его деятельностью и оказывать ей все возможное противодействие, когда ему казалось, что тот нарушает его права как ближайшего радателя о нравственности и верованиях фабричной паствы. Как и следовало ожидать, товарищи Оуэна по делу отнеслись весьма несочувственно к его плану, требовавшему новых затрат; хотя они приезжали из Лондона, осматривали фабрику и остались крайне довольны его действиями (даже поднесли ему серебряный сервиз как выражение своей признательности), но положительно отказали в его ходатайстве о расходе в 50 тысяч рублей на новую школу. Компаньоны вели свое дело для извлечения из него выгод, а не ради того, чтобы благодетельствовать человечеству, и они не верили, чтобы такой расход на умственное развитие рабочих когда-либо мог окупиться. Его теории о всеобщем счастье людей могли быть прекрасны; но они со своей стороны предпочитали наличные деньги. Ввиду такого кризиса Роберт Оуэн решил разойтись со своими товарищами. “Если, сказал я им, вы боитесь продолжать дело со мною, то я назначу известную сумму за фабрику, которую или вы получите от меня, или уплатите мне. Они отвечали, что мое предложение основательно и справедливо, и спросили – во что я ценю фабрику? Я отвечал: в 840 тысяч рублей”. После некоторого обсуждения его предложение было принято, и Оуэн в 1809 году сделался единственным владельцем Нью-Ланарка.

Он скоро увидел, однако, что его капитала было недостаточно, чтобы вести одному такое громадное предприятие. Так как дело до сих пор сопровождалось большим коммерческим успехом и кроме пяти процентов на затраченный капитал его прежние партнеры разделили между собой до 600 тысяч рублей чистой прибыли, то он скоро нашел себе новых товарищей. Но по прошествии небольшого промежутка времени оказалось,

что они были намерены даже более прежних стеснять Оуэна в его реформаторской деятельности. К их противодействию примешивалось еще и чисто личное несочувствие ему. Компаньоны решились разрушить товарищество и довести дело до продажи фабрики с аукциона, с тем чтобы самим приобрести ее потом по возможно более низкой цене. С этой целью они старались всячески дискредитировать Оуэна в коммерческих сферах, распространяя самые дикие слухи о фантастической деятельности его и о тех громадных суммах, которые он будто бы потратил на одно улучшение быта рабочих, без всякой выгоды для дела. Доведенный до крайности такими неблагоприятными действиями, Роберт Оуэн бросил управление фабрикой и уехал в Лондон, предоставив дела своему собственному течению. Обманутые этим, остальные члены фирмы думали, что теперь он окончательно посвятит себя своим *“филантропическим бредням”*, и гнали дело к продаже фабрики с аукциона, уверенные в полном успехе своего плана. Но Оуэн не был так прост, как они думали; он привез с собою свои первые этюды *“Об образовании человеческого характера”*, в которых между прочим заключался подробный отчет о его деятельности в Нью-Ланарке с изложением достигнутых им результатов, и распространил их в рукописях между своими друзьями, выдающимися по своим идеям людьми и филантропами того времени.

“Я имел в виду, – говорит Оуэн, – привлечь в дело таких товарищей, которые, вместо того чтобы ставить затруднения, помогали бы мне в моей деятельности и не требовали бы от своих рабочих чрезмерного труда за ничтожную плату. Таких людей я нашел, и взгляды их в этом направлении превзошли мои ожидания”.

В числе лиц, присоединившихся к Роберту Оуэну, было несколько богатых членов секты *квакеров*, уважаемых за свою филантропическую деятельность. Между ними особенно выдавался Вильям Аллен, человек хорошо образованный и пользовавшийся громадною известностью как один из самых деятельных английских филантропов того времени. Не было почти ни одного филантропического предприятия, в котором бы он не участвовал. Между прочим, он одним из первых присоединился к Вильберфорсу в его борьбе с невольничеством в английских колониях Вест-Индии. Аллен был человеком глубоко религиозным, и имя его пользовалось большим весом, так что Оуэн считал весьма важным его участие в предприятии, хотя впоследствии ему пришлось раскаяться в

этом. Они разошлись именно по религиозным вопросам.

В числе новых товарищей Оуэна был и знаменитый Иеремия Вентам, имя которого гремело в это время по всей Европе. Необходимый капитал для приобретения дела – более миллиона рублей – был найден, и Оуэн вернулся в Глазго. Прежние партнеры его, ничего не подозревая, уже торжествовали, предвкушая свою победу. Они были уверены, что приобретут все дело за 400 тысяч рублей, то есть почти задаром. Но их ожидало большое разочарование: во время аукциона Оуэн через поверенного постоянно набавлял тысячу рублей сверх их цены, так что в конце концов фабрика, которую они оценили в 400 тысяч, осталась за ним; он заплатил за нее 1100 тысяч рублей. Когда были проверены счета, то оказалось, что с 1809 года дело это, кроме пяти процентов на капитал, давало 320 тысяч рублей ежегодной прибыли. Вскоре после окончания продажи Оуэн со своими друзьями поехал в Нью-Ланарк. Там ожидал его полный триумф. Ликующие рабочие выпрягли лошадей из его кареты и с торжеством провезли его через деревню.

ГЛАВА VI. ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Очерки об образовании человеческого характера. – Основания воспитательной деятельности Оуэна. – “Книга нового нравственного мира”. – Общественное значение поднятых Оуэном вопросов. – Описание его деятельности в Нью-Ланарке. – Его система воспитания фабричных детей. – Описание его позднейших воспитательных реформ. – Новый взгляд на цель воспитания. – Государственные меры для улучшения материального и нравственного быта рабочих. – Национальная система воспитания. – Отмена вредных законов. – Разумное воспитание. – Силы государства. – Общественные работы. – Рабочие бюро

Четыре очерка, написанные Робертом Оуэном в промежутке между 1810 и 1813 годами и названные им “Очерками об образовании характера”, заключают в себе основания той системы воспитания человека, которой он придерживался в Нью-Ланарке, и сущность всех его воззрений на общественный строй. Эти идеи, уже давно зародившиеся в его уме, в период его деятельности в Нью-Ланарке окончательно сложились.

В основании его взглядов лежало то убеждение, что человек во всех своих действиях зависит от влияния окружающей среды и обстоятельств. При рождении человек одарен от природы известными качествами, подвергающимися потом воздействию разных обстоятельств, за которые он совершенно не ответствен. От влияния окружающей среды зависят образование его характера и все его действия на пользу или во вред себе и другим. Абсолютной свободы не существует, и потому человек не может нести полной ответственности за свои убеждения и поступки. Виновною во всех его действиях является та среда, в которой он вырос и получил свое развитие. Изменение характера человека возможно только при изменении той обстановки, в которой он живет. Так как большая часть человеческого общества живет среди самой ужасной обстановки как материальной, так и нравственной, причем всеми благами, проистекающими от труда большинства, пользуются только немногие привилегированные классы, то всякое подобное изменение возможно только при улучшении

материального быта этого трудящегося большинства и посредством воспитания новых поколений на новых, разумных началах. Коренной мотив всех человеческих действий – в стремлении к личному счастью, которого можно достигнуть, только способствуя счастью всего общества; и этот принцип должен быть принят за основание новой системы воспитания. Благоденствующие и самые развитые классы общества, с правительством во главе, призываются к осуществлению этого великого дела, которое должно положить конец тем материальным и нравственным ужасам, среди которых живет современное человечество.

Вот главные положения, изложенные Оуэном в его книге. Они не заключали в себе ничего нового; но он первый привел их в общую систему, постоянно применяя их в действительной жизни, в борьбе с теми ужасными ее явлениями, которые происходили у всех на глазах. Они не были голословными утверждениями или темой для философского обсуждения, но вытекали прямо из жизни и в своем настоящем виде явились результатом его собственного опыта в Нью-Ланарке. Оуэн обращался при этом к людям с такими словами:

“Вы дети одного общего Отца, которому каждый из вас поклоняется под разными именами... но вы забываете это в своих отношениях друг к другу и вместо взаимной помощи и любви преследуете и ненавидите друг друга... потому только, что у вас кожа другого цвета; потому, что у вас другие религиозные понятия и обряды; потому, что вы говорите разными языками и держитесь разных обычаев. Между тем если б вы хорошо понимали друг друга и были знакомы с простыми законами вашего существования, то убедились бы, что от вас совершенно не зависят те отличия, из-за которых вы постоянно враждуете. Цвет вашей кожи, ваши религиозные понятия и обряды, ваш язык и обычаи – все это перешло к вам независимо от вашей воли.

Вы бываете рабами тех или других предрассудков также не по своему выбору. При рождении вам все равно, в какой цвет будет окрашена ваша кожа. От вас не зависел выбор родины или религии ваших родителей, – будете ли вы буддист, магометанин, христианин или еврей. Вы также не могли избрать свой будущий язык или те нравы, среди которых вам придется потом жить. Ваш характер сложился помимо вашей воли, под влиянием окружающей среды. Так что, вместо того чтобы ненавидеть, порицать и убивать друг друга, вы должны усвоить великую

истину, очевидную для всех, кто только захочет видеть ее: уловить все то хорошее и правдивое, что заключается в каждом из вас, несмотря на все ваши наружные различия, и путем разумного воспитания развивать те хорошие качества в людях, которые одни могут способствовать счастью всего человечества”.

В основании деятельности Роберта Оуэна по воспитанию детей было не одно только простое филантропическое чувство доброго и жалостливого человека. Он тщательно, всесторонне изучил предмет и пришел к убеждению, что воспитание молодых поколений, направленное не только на улучшение личности, но имеющее целью развитие и обеспечение безопасности всего общества, было бы самой высокою деятельностью из всех, какие доступны человеку. Он с ужасом видел, как благодаря самому возмутительному равнодушию к воспитанию детей на каждом шагу вокруг него пропадали даром человеческие способности и человеческий труд. Вся деятельность фабрикантов того времени по образованию детей рабочих ограничивалась тем, что в фабричном поселке отводился старый дом, где какая-нибудь дряхлая полуграмотная старуха или старик при помощи розги и разных наказаний обучали ребят, уже измученных после непосильной фабричной работы, первым началам грамоты. Даже и такое жалкое обучение иногда приносило временную пользу, но при деморализующем строе фабричной жизни ученик подобной школы скоро забывал все то немного хорошее, что он успевал приобрести с помощью своего учителя; и такого рода отдельные, лишенные всякой общей связи попытки не оказывали заметного влияния на подъем нравственного чувства фабричного населения, которое день ото дня только глубже увязало в пороке.

Роберт Оуэн стремился к тому, чтобы вопрос об образовании подрастающих поколений сделался общим национальным делом, чтобы правительство и высшие классы стали во главе этого движения и чтобы усвоенная система была построена на самых широких и разумных началах. Его нравственное чувство было возмущено, и ему казалось тяжким преступлением то обстоятельство, что быстро нарастающее богатство способствует только появлению небольшого могущественного класса капиталистов, что вся заключающаяся в нем сила, которую следовало бы использовать для достижения всеобщего блага, пропадает даром для большинства и способствует только окончательному его порабощению. Проникнутый этой мыслью, Оуэн с юношеским жаром и непреклонной энергией принялся за дело воспитания, видя в нем главную надежду на

спасение общества. “Каждую минуту умирает человек, каждую минуту рождается новый”. Эти слова имели для него громадное значение, и он приходил в ужас при мысли о том, что выходило из невинного ребенка, чуть ли не с первого дня после появления на свет подвергающегося вредному влиянию того строя, среди которого ему было суждено вырасти и состариться. Его образовательные учреждения в Нью-Ланарке опирались на некоторые строго выработанные начала, лежавшие в основании целой системы нового общественного строя, подробно развитой им в “*Книге нового нравственного мира*”, изданной только в 1836 году. Для лучшего понимания всей воспитательной деятельности Оуэна будет бесполезно привести здесь эти основные начала:

1) Человек представляет собою смесь органических качеств, полученных при рождении, с изменениями их, происшедшими под влиянием внешних обстоятельств. Со дня его рождения до самой смерти прирожденные свойства его натуры и заимствованные извне находятся в постоянном взаимодействии.

2) По его первоначальной организации все развивающиеся в нем чувства и убеждения независимы от воли человека.

3) Его чувства и убеждения, взятые порознь и вместе, образуют то побуждение к действию, которое мы называем волею и под влиянием которого происходят все его поступки.

4) Не найдется двух существ, которые были бы совершенно одинаковы по своей организации при рождении, равным образом никакие искусственные средства не в состоянии сделать их такими.

5) Тем не менее, природа каждого ребенка, за исключением случаев органических недостатков, может быть настолько изменена, что из него выйдет хорошее или дурное существо, под влиянием окружающих обстоятельств, непрерывно действующих на него с самого дня его рождения.

Как уже было сказано, в этих началах, касавшихся того влияния, которое оказывает на человека окружающая его физическая и нравственная среда, не заключалось ничего нового, и они были рассеяны в писаниях разных богословов и мыслителей. Но несомненная заслуга Роберта Оуэна состоит в том, что он первый привел эти истины в строгую систему и настаивал словом и делом, чтобы они легли в основание текущей жизни и воспитания подрастающих поколений как наиболее способные упрочить

добрые чувства между людьми и положить конец той неестественной розни, борьбе и ненависти, которые, по-видимому, только усилились с установлением новой индустриальной системы. Его уверенность в скором осуществлении задуманных им социальных реформ, в чем ему пришлось потом испытать столько разочарований, происходила не от гордого сознания, что он открыл что-то новое, не от увлечения прожектора излюбленной идеей, а коренилась в искреннем убеждении, проникавшем всю его жизнь, что таким именно путем, начиная с разумного воспитания самого маленького ребенка и внося идею справедливости в семейную среду и самые простые человеческие отношения, – можно достигнуть коренных улучшений во всем господствующем строе человеческого общества.

Первый и второй из его очерков посвящены изложению основных начал предлагаемой системы, которых мы только что коснулись. Приводим из них несколько выдержек.

“Наше воспитание, – говорит Оуэн, – научило нас, не колеблясь, убивать года и издерживать миллионы на раскрытие и наказание преступлений... и однако мы не подвинулись ни на шаг на истинном пути предупреждения преступлений и уменьшения бесчисленных бедствий, от которых так страдает человечество”.

“Если бы современные судьи этой страны родились и воспитались среди бедного и развратного населения, то вследствие своих врожденных способностей они давно бы уже стояли во главе противозаконного ремесла и, в силу самого своего умственного превосходства и искусства, неизбежно подверглись бы тюремному заключению, ссылке или смерти”.

Обращаясь к лицам, которые находили, что еще не время заниматься такими вопросами, что внимание общества должно быть обращено на другие, более важные дела, – Роберт Оуэн говорит в благородном негодовании:

“Я сказал бы тем, кто говорит или мыслит подобным образом: пусть чувства человеколюбия или простой справедливости побудят вас посетить какие-нибудь общественные тюрьмы столицы да расспросить терпеливо и сострадательно заключенных про разные события их жизни и жизни их среды. Эти рассказы должны возбудить ваше внимание, они раскроют пред вашими глазами такую массу страдания,

нищеты и несправедливости, существование которых вы, конечно, не считали возможным ни в каком цивилизованном государстве”.

“Поступайте на основании строгой справедливости, и вы скоро приобретете полное и совершенное доверие низших классов... Не говорите, что невозможно предотвратить дурные или вредные поступки, что нельзя образовать у подрастающего поколения разумных привычек. Устраните обстоятельства, способствующие совершению преступлений, – и преступлений не будет”.

В своем адресе, предпосланном третьему очерку и обращенном к хозяевам и директорам фабрик, Роберт Оуэн, в качестве одного из их среды, старается открыть им глаза на все те выгоды, в том числе денежные, которые неизбежно должны последовать вслед за более внимательным и заботливым отношением к рабочим. В подтверждение этого он указывает на свой собственный опыт.

“Многие из вас, – говорит он, уже давно успели убедиться в существенных выгодах хорошо придуманной и выполненной машины. Равным образом опыт научил вас, как различны результаты, получаемые от механизма, содержащегося в исправности, и от механизма, на который не обращают никакого внимания”.

“С тех пор как на британских фабриках были введены повсеместно машины, на человека стали смотреть как на машину второстепенную и низшую. Стали обращать гораздо большее внимание на усовершенствование дерева, металла и сырых продуктов, чем на человеческие тело и душу... Неужели вы, даже из простого практического расчета, оставите без внимания ту выгоду, которую могла бы доставить вам хотя бы часть вашего капитала, приложенного к улучшению живых машин?”

Третий очерк Оуэна посвящен описанию тех позднейших реформ, которые он начал в Нью-Ланаркской колонии и которые должны были служить образцом для повсеместного применения. Одновременно с введением новой системы детского воспитания, начинавшегося уже на втором году жизни ребенка, Оуэну пришлось окружить рабочих и другой обстановкой, более подходившей к тем новым привычкам и понятиям,

которые были неразрывно связаны с этой системой.

Посреди колонии было выстроено здание с внутренним двором, которое он назвал *Новым учреждением*. Дети начинали играть здесь, едва научившись ходить. Оуэн говорил, что многие из свойств характера ребенка развиваются при первом пробуждении сознания; вот почему дурная семейная среда оказывает такой вред на его развитие уже с периода раннего детства. К внутреннему двору для игр прилегалo помещение для младенческой школы (infant school), куда принимались дети до четырехлетнего возраста. Воспитанием их занимались три молодые девушки, которые своим ласковым и кротким обращением старались пробудить любовь детей, а также внушить им, что не следует обижать товарищей, а напротив – стараться доставлять им удовольствие. Ребенку нетрудно было освоиться с этой основной истиной при внимательном наблюдении наставниц, которые своевременно могли предупредить всякое отклонение от принятой нормы; но раз усвоенная, она сохранялась и передавалась уже и в высших классах школы. Любознательность детей старались возбуждать доступными для их понимания разговорами и рассказами. Стены комнат, где они собирались, были увешаны большими, хорошо исполненными картинами, изображавшими разных животных и птиц; кроме того, была большая коллекция разных предметов окружающей природы. Летом с детьми предпринимали прогулки по окрестностям; их всячески поощряли к вопросам об окружающем мире и таким образом им передавали незаметно много полезных сведений. Уроки в школе, состоявшие из наглядного преподавания и разговоров, продолжались не более трех четвертей часа. Все преподавание до шестилетнего возраста имело характер забавы, но к этому времени дети уже знали азбуку и их любознательность была сильно возбуждена. По сторонам помещения для воспитания малюток располагались классные комнаты для детей от четырех до шести и до восьми лет. Верхний этаж был приспособлен для детей старшего возраста, начиная с восьми лет; тут уже их обучали письму, арифметике и географии, а девочек, кроме того, и рукоделию. Здесь одновременно можно было видеть за занятиями до трехсот человек детей. Их образование продолжалось до десятилетнего возраста, когда они поступали на фабрику; но желающим предоставлялись все средства для продолжения учебных занятий. Были устроены вечерние классы, а также особые чтения для взрослых работников. Детей начинали учить танцам с двухлетнего возраста, а пению с четырех лет; позже их обучали и игре на различных инструментах. По окончании работы они собирались вместе с родителями в одной из больших зал школы, где устраивались танцы и

пение. Каждую неделю бывал концерт, в котором участвовало иногда до полутора десятка человек детей, певших стройным хором любимые шотландские народные баллады и песни.

Таковыми средствами Оуэн с успехом отвлекал народ от посещения кабаков, и пьянство скоро совсем исчезло в Нью-Ланарке. В 1814 году он сделал одно важное прибавление, которое принесло громадную пользу рабочим; он устроил в Нью-Ланарке общественную столовую, благодаря которой, по его расчетам, рабочие ежегодно экономили от 40 до 50 тысяч рублей. В верхнем этаже нового здания помещались библиотека, читальня и большая зала для танцев и общественных собраний.

Все эти меры по улучшению быта рабочих шли одновременно с усовершенствованиями в фабричном производстве. Дела фабрики процветали и достигли громадного развития, так что она считалась одним из самых выгодных предприятий в фабричном мире Англии.

Поясняя разработанный им метод первоначального ознакомления детей с окружающими их простыми явлениями и фактами, Роберт Оуэн между прочим говорит:

“Книги, по которым теперь обыкновенно учат детей читать, сообщают все, кроме необходимого для их возраста знания; отсюда-то происходят все несообразности и глупости взрослых... Может ли человек с нерасстроенными умственными способностями составить понятие о каком-нибудь предмете, прежде чем он собрал все известные, относящиеся к нему, факты?.. Детей следует воспитывать в тех же началах; прежде всего их надо научить фактам, начиная с более знакомых юному уму и постепенно переходя к самым полезным и необходимым... В эти объяснения надо вводить подробности по мере того, как ум приобретает силу и способность размышлять. Сколько зла приносит полное незнание силы и способности детских умов людьми, которые взяли на себя их воспитание”.

Выставляя на вид главную цель воспитания, Оуэн говорит:

“Как скоро молодой ум будет достаточно подготовлен, учитель должен пользоваться каждым удобным случаем, чтобы уяснить прямую и неразрывную связь между выгодами и счастьем каждого отдельного лица и всего общества. Это правило должно служить основным началом всякого образования. Мало-

помалу истина этого правила делается для учеников так же ясна, как выводы Евклида для людей, знакомых с математикой. Тогда желание счастья, – этот общий принцип жизни, – будет побуждать их и в зрелом возрасте следовать на практике вышеупомянутому правилу”.

В этом же очерке обращает на себя внимание уже тогда высказанная Оуэном мысль о взаимном страховании рабочих на старости. В заключение своего третьего очерка Роберт Оуэн указывает на те трудности, с которыми ему пришлось бороться при осуществлении своей системы.

“При введении всякой новой меры, клонившейся к счастью и удобству рабочих, нужно было принимать во внимание существующие заблуждения населения, и так как фабрика принадлежала людям с весьма несходными взглядами, то необходимо было изобретать средства, чтобы возможно было, для удовлетворения коммерческого духа, извлекать денежные выгоды из всякого улучшения”.

Далее Роберт Оуэн спрашивает, в каких людях он может найти поддержку своей деятельности, кто может подвергнуть беспристрастному исследованию его план дальнейшего развития нью-ланаркской фабричной общины. Получаемые ответы очень неутешительны и свидетельствуют о его почти полном нравственном одиночестве среди образованных классов тогдашнего общества.

“Но каким умам можно предложить подобное исследование? Конечно, не коммерческим людям, которые приняли бы за сумасшествие всякую попытку свернуть с пути непосредственного личного барыша. Эти дети торговли смолоду привыкли изоощрять свои способности на то, как бы *купить подешевле, а продать подороже*. Поэтому люди, более успевающие в этом замысловатом и благородном искусстве, признаются в коммерческом мире умами предусмотрительными, одаренными высшими способностями; напротив, людей, которые стараются о материальном и нравственном преуспевании рабочих, называют сумасбродными фантазерами”.

“Нельзя предложить его исключительно юристам: они по необходимости привыкли выставлять неправое – правым,

запутывать и то и другое в сети крючкотворства и придавать законный вид несправедливости”.

“Ни политическим вождям или их приверженцам: они запутаны в интригах партий, которые затемняют их рассудок и часто заставляют приносить в жертву своим мнимым личным выгодам истинное благосостояние общества и свое собственное благо”.

“Ни так называемым героям и завоевателям или их сторонникам: вследствие направления, данного их умам, они привыкли смотреть на причинение человечеству страданий и на совершение завоеваний как на славный долг, стоящий почти выше всякой награды”.

“Тем не менее, можно предложить его нашим проповедникам и защитникам разных религиозных систем, потому что многие из них заняты деятельным распространением мечтательных мнений, расстраивающих умственные силы человека и увековечивающих его бедствия”.

“Нет, эти принципы и обусловливаемые ими практические системы должны быть подвергнуты беспристрастному и терпеливому исследованию тех лиц всех классов и званий в обществе, которые сознают до некоторой степени существующие заблуждения и чувствуют густой умственный мрак, окружающий их; которые горячо желают найти истину и следовать за ней, куда бы она их ни привела; которые сознают неразрывную связь между личным и общим, между частным и общественным благом”.

Последний очерк Роберта Оуэна посвящен обсуждению общих государственных мер, могущих способствовать поднятию нравственного уровня и материального благосостояния населения.

Он находит, что “причина тех великих и тяжких зол, на которые все жалуются, – невежество, происходящее от заблуждений, переданных нашему поколению предшествующими, и главным образом от величайшего их заблуждения, от того взгляда, будто личности сами образуют свой характер. ...Пока мы не перестанем внушать юным умам этого несообразного и самого нелепого из всех человеческих понятий, у нас не будет никакого основания, на котором мы могли бы

развить в человеке искреннюю любовь и широкое милосердие к своим ближним”.

“Правительство должно ввести единообразную национальную систему воспитания и обучения бедных и невежественных классов и в основание ее положить дух мира и разумности. Не должно быть и речи об исключении даже одного ребенка в государстве. ...Практическое осуществление ее должно приучить людей думать о своих ближних и поступать с ними так, как они желали бы, чтобы эти ближние думали о них и поступали с ними...”

Уверенный в своей точке зрения, Оуэн относился критически к разным системам обучения, введившимся тогда в Англии Беллем и Ланкастером и представляющим, по его мнению, только улучшенные методы *обучения*, но не имеющим никакого значения в *воспитании* ребенка.

“Сущность народного воспитания и образования состоит в том, чтобы привить юношеству такие мысли и чувства, которые содействовали бы будущему счастью как отдельных личностей, так и всего общества. ...Всякий поймет, что по системам Ланкастера и Белля можно выучить детей читать, писать, считать и шить, но что в то же время они могут приобрести самые скверные наклонности и остаться неразумными на всю жизнь. Чтение и письмо – не более как орудия для сообщения знаний, как истинных, так и ложных; они не могут доставить детям большой пользы, если их не научат управлять этими орудиями. Никто не спорит, что метод обучения чрезвычайно важен, но не следует смешивать метод с самим преподаванием: худший метод может быть применен к лучшему ученью, и наоборот... Ребенок, получающий удовлетворительные объяснения окружающих его предметов, приучаемый здраво рассуждать и безошибочно отличать общие истины от лжи, – этот ребенок, не зная ни буквы, ни цифры, будет гораздо лучше образован, чем дети, приучившиеся принимать все на веру, мыслительные способности которых парализованы или расстроены тем, что в высшей степени ошибочно называется *учением*... Войдите в одну из наших школ, называемых *народными*, и попросите учителя показать вам знания детей; он вызовет их и задаст им такие теологические вопросы, на которые человек, обладающий

огромной эрудицией, не в состоянии дать разумного ответа, – дети же отвечают не задумываясь (что им задолбили прежде), потому что в этой насмешке над учением требуется только одна память”. “Таким образом, ученик, способность рассуждать и мыслительные способности которого пришли в совершенный упадок, – если только у него осталась память для удержания бессвязных нелепостей, сделается тем, что называют *первым учеником* в классе, и три четверти времени, назначенного для приобретения полезных знаний, губится на расслабление умственных сил детей”.

Роберт Оуэн также скептически относился к плану народного образования, предложенному тогда членом парламента Витбредом.

“Если бы Витбред, – говорит он, – не был воспитан на обманчивых, лишенных всякого разумного основания теориях, мешающих приобрести обширное практическое знание человеческой природы, то он не предоставил бы воспитания бедных исключительно заведованию англиканского духовенства, настоящие интересы которого совершенно противоположны этой мере”.

“При том воспитании, которое теперь получают эти лица, они не могут иметь достаточных практических сведений, необходимых для успешного руководства воспитанием других. ... Если бы была сделана попытка привести в исполнение план Витбрета, то произошел бы всеобщий хаос в государстве”.

“Государство, – говорит он далее, – обладающее лучшей национальной системой воспитания, будет управляться лучше остальных... В настоящее время в государстве нет личностей, которые были бы в состоянии давать подрастающему поколению образование, способное содействовать общей пользе и счастью...”

“Должность педагога – самая важная во всем государстве...”

Реформу воспитания, в основание которой должны быть положены развитые им принципы образования человеческого характера, Роберт Оуэн считает краеугольным камнем всех дальнейших преобразований, направленных к улучшению материального и нравственного быта трудящегося большинства.

“Когда будет сделано это существенное дело, – говорит он, – тогда другим делом должна быть отмена многих законов, вытекающих из ложных учений, существующих теперь в полной силе и увлекающих население ко всякого рода преступлениям. Эти законы как бы рассчитаны на то, чтобы вызывать известный ряд преступлений”.

“Всякий размышляющий о сущности общественных доходов и способный вполне обсудить дело знает, что доходы имеют только один законный источник, знает, что они вытекают прямо или косвенно из человеческого труда... В настоящее время (ввиду пополнения доходов) законом поощряется производство и потребление спиртных напитков; число питейных домов увеличивается, и никто не думает о том, сколько они порождают преступлений, болезней и как содействуют развитию нищеты”.

“Дальнейшею мерою улучшения должно быть уничтожение государственных лотерей, легализирующих азартную игру, обманывающих людей неосмотрительных и грабящих людей невежественных”.

“Как должна быть ошибочна та система, которая побуждает государство соблазнять и обманывать своих подданных и при этом ожидать, что эти подданные сами не научатся обманывать и грабить”.

“Все люди, при помощи разумных законов и воспитания, могут скоро приобрести такие привычки и знания, которые сделают их способными (если им только позволят) производить гораздо более, чем нужно для их существования и наслаждения. Мальтус прав, утверждая, что население света постоянно приравнивается к количеству пищи, производимой для его существования; но он не упоминает, насколько более пропитания добудет разумный и трудолюбивый народ с данного количества почвы сравнительно с невежественным и худо управляемым народом. Это такое же отношение, как единица к бесконечности”.

Последняя мера, предлагаемая Робертом Оуэном, касается общественных работ, которые должны быть всегда наготове у правительства, чтобы занять нуждающееся в заработке население. В связи с этим он указывает на необходимость учреждения справочных *бюро труда*, которые бы периодически сообщали точные сведения о положении рабочего населения и все данные, относящиеся к заработной плате, спросу

на труд и пр. Такие бюро, как известно, учреждены теперь в Америке, в Швейцарии, во Франции и других местах.

“Чтобы предотвратить, – говорит он по этому поводу, – бедствия и преступления, сопровождающие эти неблагоприятные колебания спроса и ценности труда, первый долг каждого правительства, искренно желающего благосостояния своих подданных, должен состоять в том, чтобы иметь всегда наготове работу, действительно полезную для государства, чтобы всякий нуждающийся в ней мог непосредственно получить занятие”.

“Плата за общественные работы должна быть назначена несколько ниже средней цены частного труда в тех округах, где такие работы будут учреждены. Такая мера необходима, чтобы к общественным работам обращались только лица, не находящие себе частных занятий. Эту плату легко будет определить на основании периодических отчетов рабочих бюро о средней цене труда в каждом округе или графстве”.

Из приведенных выдержек читатель может составить себе понятие о сущности идей, изложенных Робертом Оуэном в его книге “Об образовании человеческого характера”. Мы коснулись довольно подробно этих этюдов, потому что высказанные в них идеи, уже давно созревшие в уме Оуэна, представляют главные основы всего его миросозерцания и всей его деятельности. Он никогда не изменял им, и все написанное, все сделанное им впоследствии, включая и его неудачные попытки более широких общественных реформ, представляет только дальнейшее развитие тех мыслей, которые зародились у него еще в первой молодости и приняли окончательную форму во время его деятельности в Нью-Ланарке.

При этом следует сказать, что многие из планов и идей, проповедуемых Робертом Оуэном в этой книге, уже вошли теперь в жизнь.

ГЛАВА VII. БОРЬБА И СЛАВА

Известность Роберта Оуэна. – Начало общей деятельности по улучшению быта рабочих. – Луддитские бунты. – Адрес глазговским фабрикантам. – Борьба в парламенте. – Фабричный закон 1819 года. – Деятельность Оуэна в Лондоне. – Замечания Оуэна о влиянии фабричной системы. – Доклад Оуэна комитету по пересмотру законов о бедных. – План промышленно-земледельческих колоний. – Восторженные отзывы печати. – Публичные митинги. – Сущность речей Оуэна. – Поездка на континент. – Адреса о положении рабочих. – Возвращение в Англию

Вскоре после издания очерков Оуэна слух о достигнутых в Нью-Ланарке результатах распространился не только по Англии, но и по всей Европе. Имя Оуэна связывалось теперь со всеми реформами по улучшению быта рабочих классов; его Нью-Ланаркская колония считалась образцом, достойным подражания. при введении государственных мер, направленных к этой цели; слово его получило громадный авторитет, и Роберт Оуэн пользовался славою благороднейшего из филантропов того времени. Его Нью-Ланаркская колония сделалась достопримечательностью, чудом, которое стекались посмотреть не только аристократы, члены парламента, филантропы, общественные и политические деятели Англии, но и множество лиц из Европы и Америки, в том числе иностранные посланники и принцы. Его сын, Роберт Дейл Оуэн, рассказывает, что в Нью-Ланарке перебивало с 1815 по 1825 год около 20 тысяч человек и что бывали дни, когда для осмотра школы и других учреждений там собиралось более 70 посетителей. Когда в английском парламенте поднимался вопрос о положении бедных и рабочих классов, всегда упоминалось имя Роберта Оуэна и его нью-ланаркский опыт приводился как аргумент в пользу реформы. Король Саксонский прислал ему золотую медаль. Король Прусский, прочтя “Очерки об образовании характера”, почтил его собственноручным письмом. Покойный император Николай I (в то время великий князь) в свою бытность в Англии посетил Нью-Ланарк и провел там два дня, подробно знакомясь со всеми учреждениями. Осмотр Нью-Ланаркской колонии произвел такое сильное впечатление на молодого великого князя, что он предложил Оуэну переселиться с известным числом рабочих в Россию и устроить там фабричную колонию по образцу Нью-

Ланаркской, предоставляя в его распоряжение землю и все необходимые средства. Герцог Кентский (отец английской королевы Виктории) сделался одним из его друзей и последователей. Глава англиканской церкви, архиепископ Кентербюри, и другие епископы, многие из членов высшей английской аристократии также осматривали Нью-Ланарк и сочувственно отнеслись к идеям и деятельности Роберта Оуэна. Американский путешественник Гриском, бывший в Нью-Ланарке в 1819 году, описывает колонию в самых восторженных красках и говорит, что ничего подобного не существует в целом мире. Около этого же времени Нью-Ланарк посетила депутация от города Лидса, чтобы познакомиться с системой Оуэна ввиду применения ее в разных учреждениях для бедных. “Во всей Англии, – говорят члены депутации в своем отчете, – не существует ничего, что бы могло сравниться по своему благотворительному влиянию с этими учреждениями... М-ра Оуэна здесь все считают идеалом доброты и великодушия”. В Лондоне возникло Филантропическое общество, главной целью которого было применение планов Оуэна и деятельность которого должна была обнять не только Англию, но и Европу. В числе его вице-президентов насчитывалось 10 посланников иностранных государств, а в распорядительном комитете участвовало 15 выдающихся членов парламента.

Кроме ближайшей деятельности в Нью-Ланарке и по вопросам воспитания, внимание Роберта Оуэна уже с начала 1800-х годов было занято улучшением быта фабричных рабочих вообще и введением правительственного контроля над теми ужасными порядками, которые царили на фабриках.

Как было сказано в третьей главе, первый фабричный закон 1802 года, урезанный и изуродованный, почти не достигал своей цели. Система ученичества, с набором детей из приютов и рабочих домов, умерла естественной смертью. В ней более не нуждались. Теперь уже почти все население, дети, подростки и женщины в том числе, было занято на фабрике. Среди массы рабочего населения семейная жизнь быстро исчезала. Родители торговали своими детьми, нисколько не заботясь об их воспитании и нравственном развитии и стараясь только выгоднее эксплуатировать их труд. Понятно, что при таких условиях всякие семейные связи порывались; дети платили тем же и с полным равнодушием относились к своим родителям, когда те в свою очередь, вследствие старости или болезни, нуждались в их помощи. Всякого вида пороки, эгоизм, болезни и преждевременная старость с ужасающей быстротой распространялись среди рабочих. Высокая пошлина на хлопок, введенная с

1808 года, отражалась крайне губительно не только на прядильной промышленности, составлявшей главный источник богатства страны, но – вследствие понижения заработной платы – и на положении рабочего населения, жизнь которого сделалась невыносимой. Машина, по существу своему первый друг и помощник человека, стала теперь, благодаря фатально сложившимся историческим условиям, его злейшим врагом. В 1811 году разразились так называемые *Луддитские бунты*. Рабочие начали войну с машиной. “Она поедает наш хлеб”, – говорили они. Толпы рабочих по ночам нападали на фабрики и мастерские, ломали машины и производили всякие насилия. Волнения эти распространились по всей стране, но вскоре были подавлены военной силой; однако затаенное недовольство осталось, и народ в мануфактурных округах был готов к мятежу при первом толчке. В этот промежуток помимо своей реформаторской деятельности в Нью-Ланарке Роберт Оуэн был занят выработкой такого плана ведения фабричного дела, который совмещал бы удовлетворение человеческих потребностей рабочих с определенным доходом на помещенный в деле капитал. Одним словом, опираясь на свой блестящий опыт в Нью-Ланарке, он стремился создать такую систему, при которой были бы соединены интересы капитала и труда. Здесь не место распространяться, насколько осуществима эта задача, до сих пор составляющая один из жгучих вопросов; но во всяком случае тогда наступило время серьезно подумать об этом, так как все худшие ожидания в связи с воцарением нового фабричного строя в течение каких-нибудь 15 лет стали фактами и то, что предсказывалось несколькими дальновидными и честными людьми, делалось теперь у всех на глазах.

Гаскель в своей книге “Фабричное население Англии” описывает в живых красках жизнь фабричной семьи этого времени. Семейная жизнь почти совершенно исчезла. Отец, мать, дети – все круглый год вставали в четыре часа и, утомленные еще работой предыдущего дня, спешили на фабрику, захватив с собою еду. В восемь часов полагалось полчаса для завтрака, но часто машина продолжала работать, и завтрак съедали, стоя у станка. В 12 наступал перерыв на час для обеда, и паровую машину останавливали. Все бросались скорее домой и спешили проглотить обед, состоявший большею частью из вареного картофеля, причем только более состоятельные добавляли к нему немного мяса. Так как времени было мало, особенно у тех, кто жил далеко от фабрики, и остряне дома часто позаботиться было некому, то какая-нибудь старуха по соседству приготавливала еду, и вся семья, наскоро проглотив полухолодный обед, спешила без отдыха на фабрику, занимая свои места у разных станков. Весь

промежуток с половины пятого до восьми или девяти вечера проходил в душной, жаркой мастерской, наполненной пылью хлопка, среди грохота колес и приводов, с небольшим перерывом, уходившим на беготню и глотание холодной, полусырой пищи. Правда, в четыре часа еще давалось двадцать минут, чтобы выпить чаю. Так вертелась изо дня в день эта поистине адская мельница, перемалывающая под своими жерновами и старого, и малого.

Трудно предположить, чтобы при таких условиях могло сохраниться какое-нибудь нравственное чувство; среди рабочих властвовали разврат, животный разгул и скрытое ожесточение. Хозяева, и особенно молодежь, по образованию и вкусам не сильно отличались от своих рабочих; вся разница была в том, что они тратили больше денег на себя. Сыновья коттон-лордов выделялись в то время грубостью и циничным развратом. В этой среде жила только одна мысль о скорой наживе во что бы то ни стало, всякие другие соображения были ей совершенно чужды, и трудно было предполагать, чтобы Роберт Оуэн мог найти тут поддержку своим планам, проникнутым самым гуманным стремлением поднять нравственный уровень фабричного рабочего.

Роберт Оуэн был хорошо известен в деловом мире прядильного округа не только по его реформам в Нью-Ланарке, но и как один из выдающихся бумагопрядильных фабрикантов. Все фабрики были открыты для него. “Я объездил большинство их, – говорит он в своих записках, – и мог составить правильное понятие о положении фабричных детей и рабочих. Признавая важность введения машин и их постоянного усовершенствования, я в то же время ясно вижу, сколько косвенного вреда принесли эти машины порабощенным ими детям и рабочим”. Он добавляет далее, что положение невольников в Вест-Индии и Соединенных Штатах было лучше, чем положение рабочих в Англии, особенно в отношении пищи и одежды.

В начале 1815 года Роберт Оуэн решился публично обратить внимание фабрикантов на состояние бумагопрядильной промышленности и на ужасное положение рабочих. В Глазго, под председательством городского мэра, собрался митинг фабрикантов, на котором он читал свой доклад. Его первое предложение, касавшееся уничтожения пошлины на сырье, было принято единогласно; в пользу второго – относительно улучшения положения работника – среди многочисленного собрания не раздалось ни одного голоса. Возмущенный таким отношением к излюбленному им делу, Роберт Оуэн ушел, не дождавшись конца собрания, убежденный, что со стороны его товарищей нельзя ожидать никакой поддержки, он решил повести дело иначе. Копию своего адреса, кроме глазговского лорда

Правоста, он послал каждому из членов парламента, а также напечатал его в провинциальных и лондонских газетах.

В этом замечательном адресе, указывая на то громадное значение, которое получила теперь для государства бумагопрядильная промышленность, он говорит по поводу связанных с нею бедствий рабочего:

“Только один опыт мог выяснить нам эти печальные результаты, но теперь уже поздно возвращаться назад. Даже если б мы хотели того, отступление невозможно, потому что без этой промышленности мы не в состоянии прокормить увеличившееся народонаселение страны, ни платить процентов государственного долга, ни содержать армию и флот. К моему глубокому сожалению, я должен сознаться, что даже наше самостоятельное существование как нации во многом зависит от развития этой промышленности, и нам ее нечем заменить. В то же время пред нами горькая правда, что производство, лежащее в основании политического могущества и процветания нашей страны, способствует разрушению здоровья, счастья и благосостояния большинства занятых им работников”.

“Но разве невозможно бороться с этим злом? – спрашивает он далее. – Многие не думали близко об этом предмете, другие – мало заботятся о страданиях окружающих их, если только им самим хорошо. Если находятся такие лица в числе присутствующих, то я не обращаюсь к ним. Я хочу остановить на этом вопросе внимание только тех, которые смотрят далее преходящей минуты, которые могут предвидеть будущие последствия существующих причин, – тех, которые интересуются судьбою себе подобных, которые открыли, что счастье и богатство не одно и то же и что государственное могущество, основанное на бедствиях народа, – только один призрак величия и обман”.

“Только с введением теперешней системы производства, – продолжает он далее, – маленькие, ничему не обученные дети стали попадать на фабрику, часто представляющую скопище живых трупов, почти лишенных всякого человеческого сознания... Только с введением этой системы взрослые и даже дети принуждены были работать более двенадцати часов в сутки, не включая сюда перерывов для еды. Только с учреждением ее

кабак и пивная сделались единственным местом развлечения рабочего. Только с установлением этой пагубной системы нищета, порок и горе стали так быстро распространяться по всей стране”.

В заключение он обращается к своим сотоварищам с таким благородным воззванием, полным искреннего чувства и истинного красноречия:

“Неужели мы можем не краснея ходатайствовать перед законодателями страны об издании новых законов для облегчения и расширения нашего дела – и в то же время не похлопочем о противодействии порождаемому им злу? Если таково будет ваше намерение, я ни за что не присоединюсь к этому ходатайству и всеми своими силами буду противиться расширению той промышленности, **Которая в сущности является источником большего зла для занятых в ней людей, чем рабство для несчастных негров Вест-Индии. Как ни глубоко я заинтересован в фабричном деле, как я ни преклоняюсь пред политическим могуществом моей родины, но, зная по собственному опыту, сколько вреда и горя порождает это дело, при настоящих порядках, среди его работников, я не поколеблюсь сказать: пусть лучше погибает это дело! Пусть лучше погибает вместе с ним и политическое могущество нашей страны, если только оно покупается ценою всего, что дорого в жизни!”**

Вскоре после того как этот адрес получил достаточную известность, Роберт Оуэн отправился в Лондон для переговоров с членами правительства о возможности принятия мер по защите рабочих и особенно детей на фабриках. В своем Глазговском адресе он наметил несколько главных пунктов, которые следовало осуществить для улучшения условий детской работы. Он настаивал, чтобы дети не принимались на бумагопрядильные или другие фабрики раньше 12-летнего возраста (в то время они обыкновенно поступали в работу с шести и семи лет); чтобы работа, включая полтора часа для еды, не продолжалась более двенадцати часов (тогда как взрослые, так и дети работали по четырнадцать часов в сутки, включая час для обеда); чтобы с известного срока на фабрики принимались только дети, обученные читать, писать и знающие четыре правила арифметики; кроме того, девочки должны были уметь шить. Для наблюдения за исполнением этих правил предполагалось учредить инспекцию более действенную, чем та, что существовала до тех пор. Все эти основные правила, более подробно развитые и мотивированные, были оформлены в виде парламентского билля.

Когда Оуэн приехал в Лондон, за ним не стояло сильной партии; рабочие, интересы которых нашли себе в нем первого защитника, были до того подавлены существующей системой, что не могли оказать ему никакой поддержки; против него были почти все фабриканты, обладавшие громадными состояниями и потому пользовавшиеся влиянием не только в своих округах, но и в парламенте. Правда, в Лондоне Оуэн был известен по своей нью-ланаркской деятельности многим из влиятельных людей, и правительство также относилось сочувственно к его предложению о дальнейшем ограничении фабричного детского труда; но тем не менее ему предстояла большая борьба и его ожидало противодействие на каждом шагу. Впрочем, Роберт Оуэн был не из тех людей, что боятся препятствий.

“Я посетил, – говорит он, – всех выдающихся членов парламента и объяснял каждому из них мою цель – добиться защиты самой угнетенной и наиболее достойной поддержки части населения страны. Меня везде принимали хорошо и многие обещали поддержку, особенно среди вожаков разных партий”.

На митинге лиц, поддерживавших Оуэна, решено было просить Роберта Пиля-старшего взять на себя проведение в парламенте нового билля о фабричных рабочих. Будущий упразднитель только что введенных *хлебных законов* обещал представить и поддерживать новую меру в парламенте; но у Оуэна уже с самого начала появилось сомнение, что обещание это было искренно и что Пиль вполне разделял те взгляды, которые он взялся отстаивать в палате. Пиль сам являлся значительным фабрикантом; сокращение рабочих часов было совсем не в его интересах, и, конечно, он не мог избежать давления других фабрикантов, имевших сильную партию в парламенте и решившихся всеми способами противодействовать новому закону.

Только по прошествии четырех лет, в 1819 году, этот билль, сильно изувеченный, сделался законом; но во все время этой томительной борьбы Роберт Оуэн не пропускал ни одной парламентской сессии.

“В течение четырех лет, пока этот билль подвергался обсуждению обеих палат, – говорит Оуэн, – я имел возможность близко познакомиться со всеми парламентскими порядками и увидел, как ведут себя государственные люди и до какой грубой низости, не пренебрегающей никакими средствами, доходят иногда в своем эгоизме коммерческие люди, пользующиеся

всеобщим уважением. Все средства были испробованы ими, чтобы провалить этот билль на первой сессии и в продолжение четырех лет, когда под тем или другим призрачным предлогом его старались задержать в нижней палате”.

Каждая статья нового закона была направлена против самых вопиющих несправедливостей; и хорошо зная это, фабриканты в своем стремлении подорвать авторитет Оуэна даже не постыдились послать депутацию в Шотландию, чтобы путем расспросов местных жителей и пасторов найти какие-нибудь данные, которые могли бы бросить тень на личность Оуэна, скомпрометировав его с нравственной и религиозной сторон. Но, конечно, все эти гнусные попытки не имели успеха; несмотря на все противодействие, новый закон прошел обе палаты; и хотя, как уже упоминалось, он был сильно искалечен, тем не менее, закон этот навсегда изменил отношения между хозяевами и рабочими, сперва на бумагопрядильных фабриках, а потом и в других отраслях промышленности. Фабричный акт 1802 года касался только работы так называемых учеников, набравшихся из приютов и рабочих домов. Закон 1819 года в первый раз установил право правительства вмешиваться в отношения между хозяином и рабочими, защищая интересы последних, и с этой стороны он имел громадное значение в дальнейшем развитии фабричного законодательства, прекратив систему *laissezfaire*,^[5] господствовавшую до тех пор во всех отраслях английской промышленности и предоставлявшую рабочего в полное и бесконтрольное распоряжение хозяина.

Несмотря на войны, следовавшие почти непрерывно с 1802 по 1815 год, фабричная промышленность Англии получила необычайное развитие и в стране произошло громадное накопление богатств; Англия покрылась фабриками и заводами, ценность земли удвоилась. Но все эти богатства, как уже было сказано, достались на долю одних купцов, фабрикантов и землевладельцев, между тем как масса народа была разорена и находилась в нищете. Беспристрастные английские историки считают именно этот несчастный период, – с Амьенского мира, завершившего борьбу с Республикой, до сражения при Ватерлоо, – временем возникновения пролетариата и той острой розни между богатым и бедным, между хозяином и рабочим, которая до сих пор составляет самое больное место английской жизни.

Роберт Оуэн был именно одним из тех лучших людей тогдашнего времени, которые стояли в первых рядах бойцов и одни вели почти

непосильную борьбу с твердо укоренившимся уже злом.

В 1815 году Оуэн издал свои “Замечания о влиянии фабричной системы”, где указывал, что под влиянием быстрого распространения мануфактурной промышленности в стране в массе населения слагается новый тип человека, основные черты которого никоим образом не могут способствовать индивидуальному или общественному счастью, но только сделаются источником постоянного зла, если это влияние не встретит разумного противодействия со стороны закона.

В 1817 году Роберт Оуэн представил свой доклад комитету по пересмотру законов о бедных. Это тщательно составленный обширный доклад, включающий в себя также проект колоний для бедных, взамен существующих рабочих домов, с приложением подробных смет и чертежей, необходимых для их устройства. Хорошо известно, что каждый человек может произвести продуктов больше, чем нужно для него самого; при помощи машины эта способность удваивается. В Англии довольно пустующих земель и капитал существует в избытке. От общества зависит воспользоваться этими двумя составляющими в такой комбинации, при которой если и не совсем прекратится, то будет значительно уменьшена бедность и будет положен предел ее дальнейшему распространению. Существующий закон только увеличивает зло, нисколько не ослабляя его. В некоторых местах налоги доходят до нормы, близкой к конфискации обложенного ими имущества. Бедность не исчезнет, пока не будет установлена разумная система воспитания для всех и пока правительство не позаботится о том, чтобы предоставить нуждающимся возможность производительно трудиться.

“Громадные суммы, – говорит Оуэн, – ежегодно собираемые в виде налога для бедных, при настоящих порядках являются как бы поощрением порока и праздности...”

Так называемые рабочие дома того времени представляли из себя род тюрем, где здоровые люди, не имеющие заработка, получали кров и пищу и проводили время в невольной праздности или занимаясь какой-нибудь непроизводительной работой. Деморализующее влияние их было ужасно.

С 1784 по 1830 год рядом с поразительным развитием фабричной промышленности и того, что называют *государственным благосостоянием*, быстрыми шагами шло увеличение налога для бедных, выросшего с 20 до 70 миллионов рублей в год. Во многих графствах Англии этот налог составлял одну треть земельной ренты. Неудивительно, что при таком порядке вещей такой человек, каким был Роберт Оуэн, не переставал взывать к обществу и правительству, чтобы они разумно применили те

производительные силы, которые пропадали теперь даром, и чтобы хоть какое-нибудь начало справедливости было внесено в существующую систему распределения богатств.

Роберт Оуэн в своем докладе предлагал общественные учреждения для бедных (рабочие дома городских приходов и графств), содержание которых тяжким бременем ложилось на плательщиков налогов и которые способствовали только разращению целых поколений, превратить в образцовые колонии, которые стали бы рассадниками лучших идей воспитания и залогом разумного устройства жизни трудящихся масс. Каждое графство или городской приход, по его плану, должны были, чтобы обеспечить своих бедных работой, устроить ферму, а если позволяли средства, то рядом с нею и фабрику или мастерские. При таких условиях эти учреждения могли бы сами содержать себя и капитал понадобился бы только на покупку земли и первоначальное обзаведение. По его расчетам, каждому графству достаточно было затратить миллион рублей на покупку земли и на все устройство, причем страна избавилась бы от тяготившего ее страшного бремени; земля и постройки гарантировали бы затраченный капитал, а из доходов фермы и мастерских уплачивались бы причитающиеся на него проценты. К докладу Оуэна прилагались подробные планы и проекты построек такой образцовой колонии для бедных. Предполагалось занять от 300 до 500 десятин земли; постройки были рассчитаны на 1200 человек; они располагались в виде замкнутого четырехугольника с обширной внутренней площадью; три стороны его занимали квартиры членов колонии, размер которых соответствовал величине семьи, – четвертая сторона отводилась детям, которые уже с трехлетнего возраста начинали посещать школу и спали отдельно от родителей. Целью такой системы было воспитание детей вне вредных влияний и образование их характера уже с самого раннего возраста, причем за образец принимались воспитательные учреждения, уже действовавшие с таким успехом в Нью-Ланарке. Дети не допускались к работе, пока они не получали хорошего элементарного образования и не развивались физически. Взрослые работники, для сохранения их здоровья, должны были работать не на одной только фабрике, но часть времени – на ферме и в полях. Женщины занимались домашними делами, стиркой, работали в огороде и в саду, а также по очереди стряпали в общественной кухне и наблюдали за порядком и чистотой в столовой и детских спальнях. Посредине обширного внутреннего двора находилось большое здание, в котором помещались общественная кухня, столовая, школы, библиотека и зал для лекций. Все жизненные удобства были доступны беднейшим людям

благодаря принципу ассоциации, когда один очаг, одна крыша, одна кухня служили для многих. Круг симпатий, ограниченных прежде пределами одной семьи, должен был расширяться, распространяясь на целое общество людей, и члены колонии, трудясь на пользу общины, в процветании и выгодах которой они были участниками, вряд ли могли обнаружить менее усердия, чем при работе на хозяина фабрики, в барышах которого они вовсе не были заинтересованы.

Таков в общих чертах план помощи беднейшему населению Англии, предложенный Робертом Оуэном, который развил его подробнее в нескольких письмах, опубликованных в главных газетах, где между прочим он отвечает на возражения последователей учения Мальтуса,^[6] утверждающих, что народонаселение возрастает быстрее, чем количество производимого продовольствия, и потому – не поведут ли такие учреждения к чрезмерному увеличению населения, что может губительно отразиться на благосостоянии страны.

“Насчет этого у меня нет никаких опасений, – говорит Оуэн. – Каждый сельский хозяин знает, что земледельческий рабочий может выработать своим трудом в пять или шесть раз больше продуктов, чем ему нужно для прокормления, и потому не может быть никаких естественных причин, чтобы прирост населения перегнал увеличение средств питания, пока вполне не обработана вся земная поверхность... Всякий, сколько-нибудь практически знакомый с предметом, не может ни на минуту сомневаться, что даже в периоды, предшествовавшие самому тяжкому голоду, в стране всегда было достаточно средств. При надлежащем умении пользоваться ими и при разумном руководстве само население могло бы наготовить такие запасы пищевых продуктов, которые значительно превзошли бы действительную потребность... Что бы ни писали по этому предмету ... нам известно, что крайний предел увеличения народонаселения составляет арифметическую пропорцию; между тем каждый вновь рождающийся в мире человек вносит с собою, благодаря современным успехам знания и при надлежащем направлении, способность к производству количества пищи, в десять раз превышающего его потребности. Поэтому всякие опасения о вреде чрезмерного населения, пока вся поверхность земли не будет обращена в один цветущий сад, – принадлежат к призракам воображения”.

Предложения Оуэна всколыхнули образованное общество Англии и вызвали самые восторженные отзывы в печати. Газета “Times” обращала на Оуэна внимание своих читателей как на деятеля, “проникнутого самыми просвещенными стремлениями для пользы человечества”. “Morning Post” отзывалась о нем как о “знаменитом нью-ланаркском филантропе, возвания которого не останутся без успеха... Грядущие поколения будут чтить его как одного из достойнейших благодетелей рода человеческого...” В том же 1817 году помимо печати Роберт Оуэн изложил свои взгляды о мерах помощи бедным классам общества на двух больших митингах, собравшихся в зале “Лондонской таверны”. На втором из них стечение публики было так громадно, что большая толпа не могла попасть в зал за неимением места. Речи Оуэна были напечатаны во всех лондонских газетах; кроме того, он сам скупил тридцать тысяч экземпляров газет и разослал их по всей Англии членам обеих палат, приходским священникам, выдающимся горожанам и другим лицам. Вдобавок к этому он за свой счет отпечатал в виде отдельных листков сорок тысяч экземпляров подробного отчета об этих митингах, которые были разобраны в три дня.

Главнейшие его тезисы заключались в следующем:

1) Богатство страны не доказывает ее благоденствия, пока значительная часть ее работников содержится на счет государства в невольной праздности или занята непроизводительным трудом.

2) Нищета и невежество должны неминуемо способствовать развращению народа.

3) Развращенное таким способом население, окруженное кабаками, пивными и разными соблазнами к игре и азарту, впадает в умственное отупение и делается бесполезным бременем для страны или наполняет собою ряды преступников.

4) За этим неизбежно следуют разные репрессивные меры и жестокие, в сущности бесполезные, наказания.

5) Все это должно породить озлобление против правящих классов, увеличить число преступлений и в конце концов – грозить спокойствию и благосостоянию всего общества.

6) Пока такой развращающий порядок вещей существует и само правительство поддерживает и поощряет его, до тех пор всякие разговоры о нравственном воздействии и религиозном влиянии являются насмешкой.

7) Продолжать такие разговоры, оставаясь при старых порядках, значит осуществлять жалкую попытку обмануть общество, которое более уже не поверит этой болтовне.

8) Ожидать какого-либо нравственного улучшения народа, пока остается в силе такой порядок вещей, все равно что ждать, что высохнет океан, в то время как реки продолжают вливать в него свои воды.

Хотя многие из узких сектантов, ранее поддерживавших Оуэна, а также людей, зараженных религиозною нетерпимостью, и отшатнулись от него после речи, произнесенной им на втором из этих митингов, в которой он смело высказал свои широкие религиозные взгляды и свою преданность идее свободы совести, но популярность его быстро росла и имя его гремело повсюду.

Вскоре после того в обществе известного швейцарского ученого и писателя Пикте и находившегося в то время в Англии знаменитого Кювье он предпринял путешествие на континент. Оуэн провел шесть недель в Париже, где был чрезвычайно хорошо принят представителями правительства и высшего общества. Первое отнеслось весьма сочувственно к его идеям, но находило их преждевременными. Отсюда Оуэн направился в Швейцарию, где осматривал разные учебные заведения. Особенное его внимание обратила на себя школа Фелленберга в Гофвиле, куда он потом поместил двух своих старших сыновей. Во Франкфурте он написал свои адреса европейским государям, собравшимся на Аахенском конгрессе. Один из адресов носил название *“Мемория правительствам Европы и Америки по поводу рабочих классов”*. Адреса эти через лорда Кэстельри были представлены конгрессу.

В одном из них Оуэн говорит, что после многих лет, посвященных наблюдению и практической деятельности, он остается совершенно чужд всяких пристрастий или предрассудков по отношению к известной партии, секте, национальности или к известному общественному классу. Все люди рождаются с одними и теми же общими свойствами, хотя потом, под влиянием обстоятельств и воспитания, научаются ненавидеть друг друга, вместо того чтобы жить в мире и братской любви. Он доказывает, что введение машин, увеличившее в двенадцать раз промышленную производительность Англии, для рабочего класса имело одно последствие – страшное увеличение бедности. Машина до того уменьшила ценность труда, что скоро уже значительная часть рабочего населения лишена будет возможности самого жалкого заработка для поддержания своего существования, и ей предстоит голодная смерть. Пролетариат усиливается с каждым годом, ему не помогут никакие частные меры. По поводу существовавшего в Англии налога для бедных Оуэн повторяет здесь уже ранее высказанное им мнение, что налог этот должен увеличиваться с

каждым годом, так что общество будет поставлено перед необходимостью отнять у бедных значительную часть прежней помощи (предсказание это оправдалось потом). Единственный выход из такого положения: отказаться от поддержания громадных мануфактурных центров, служащих местом спекуляции и способствующих только полному обнищанию и разращению рабочих масс. Вместо них Оуэн предлагает развернуть в стране промышленно-земледельческие общины или колонии на основании тех начал, которые уже были выработаны им в его обширном докладе, представленном парламентскому комитету по вопросу о бедных.

Собравшиеся в Аахене монархи отнеслись весьма сочувственно^[7] к записке Оуэна; но они были слишком заняты неотлагательными государственными вопросами и потому не могли войти в подробное рассмотрение его планов по облегчению участи рабочих. Тем не менее, многие из государственных сановников того времени были заинтересованы идеями Оуэна, и даже сам всемогущий Меттерних отозвался о нем с похвалою.

В конце 1818 года Роберт Оуэн возвратился в Англию, где перед ним открывался период новой борьбы. Времена наступали смутные... Луддитских бунтовщиков вешали десятками, а через несколько месяцев должна была произойти так называемая Манчестерская бойня.

ГЛАВА VIII. НАЧАЛО ВРАЖДЫ

Враждебное отношение к идеям Роберта Оуэна. – Причины его популярности. – Почему он не сохранил ее. – Петиция парламенту о рассмотрении планов Оуэна. – Парламентское заседание. – Первое изложение идеи о труде как единице обмена. – Новая петиция в парламент. – Оуэн – кандидат в члены палаты. – Вильям Аллен. – Оуэн покидает Нью-Ланарк. – Авраам Комбе, последователь Оуэна. – Его Орбистонская колония. – Смерть Комбе и разрушение дела

По возвращении Роберта Оуэна в Англию для него начинается период борьбы, пришедший на смену тем успехам, какими он пользовался ранее. До тех пор его планы встречали поддержку высшей аристократии, отчасти духовенства и многих из представителей богатой буржуазии, в основании чего было чистое недоразумение.

Перед этим, как уже было сказано, бедствия и деморализация рабочих классов достигли своего апогея, между работниками господствовало чувство скрытого озлобления против хозяев, что отражалось на фабричной работе и вызывало опасения последних. Они смутно сознавали, что существующая эксплуатация труда может иметь печальный для них конец, и потому были рады приискать какое-нибудь средство, которое дало бы им возможность, не лишаясь своих барышей, сколько-то улучшить положение работника, сделавшееся теперь невыносимым. В Роберте Оуэне они видели человека, свободного от всяких замашек демагога, обращавшегося со своими реформаторскими планами к ним же, наконец, доказавшего на опыте их практичность, – человека, который мог, по-видимому, осуществить такую трудную задачу, чтобы и они получали хорошие барыши, и положение их рабочих сделалось более сносным. В этом заключалась причина того успеха, который вначале имели его проекты между капиталистами.

Высшая английская аристократия выказывала еще больше сочувствия идеям Оуэна. С начала периода великих изобретений она должна была вступить в антагонизм с быстро нарождавшейся богатой буржуазией. Опасаясь повторения в Англии французской революции, страшась даже малейших признаков якобинства, она вместе с правительством стремилась к подавлению в массах всяких идей о гражданских правах и самостоятельности и тем незаметно способствовала усилению представителей промышленности в ущерб благосостоянию рабочего

населения страны. Последовало громадное развитие фабрик, масса сельского люда устремилась в города, фабриканты стали владельцами колоссальных богатств. Значение земельной аристократии стало падать, и новые коттон-лорды сделались опасными соперниками земельных лордов. В конце концов аристократия увидела, что призрака французской революции бояться нечего, и целым рядом стеснительных законов, направленных против развития гражданских свобод, торийское правительство постаралось принизить значение средних классов. Но было уже поздно, и торжество буржуазии завершилось реформой 1832 года, упрочившей ее значение в парламенте. В то время, когда получили известность идеи и нью-ланаркские реформы Оуэна, государственных людей и представителей аристократии уже занимал вопрос, как дисциплинировать массы и сделать их послушным орудием в своих руках, обеспечив им сносное существование. Их внимание было поэтому обращено на планы и опыты Оуэна, которые, как им казалось, могли без всякого переворота и при незначительных затратах привести к поставленной цели, а потому во всяком случае заслуживали быть испытанными. К тому же они не понимали и личности Оуэна. Они никак не могли допустить, чтобы в основании его деятельности лежало полное бескорыстие и самоотречение и чтобы для достижения благосостояния рабочих масс он потребовал серьезных жертв с их стороны.

Если б на месте Оуэна был так называемый *практический* человек, то он несомненно извлек бы громадные выгоды из того блестящего положения, которое выпало на его долю в то время. Вместо этого Роберт Оуэн откровенно, во всеуслышание, отрицая любые компромиссы, объявил о принципах, которыми руководствовался, и даже сам постарался рассеять те недоразумения, которые привели к нему многих из его сторонников. Он смело вступил в открытую борьбу со своими противниками, не скрывая ничего, не поступаясь ни одним из руководивших им принципов, не оставляя места никаким недоразумениям и стараясь словесно и в печати *вполне* выяснить свои идеи перед публикой. Понятно, что большинство, особенно среди видных представителей упомянутых партий, лишило его своей поддержки, и популярность Оуэна стала быстро исчезать.

Речи, произнесенные им перед поездкой за границу на митингах в “Лондонской таверне”, где он открыто высказал свои религиозные взгляды, особенно восстановили против него клерикалов. Он прямо обвинил их в бессилии, в том, что они остаются слугами сильных и, проповедуя христианскую любовь, ничего не делают, чтобы извлечь из бездны нищеты и разврата миллионы людей, погибающих под гнетом своих притеснителей.

Искреннее других представителей аристократии относился к нему герцог Кентский, который поддерживал его до самой своей смерти, неожиданно последовавшей в январе 1820 года. Перед самой своей смертью он председательствовал на митинге, собравшемся в Лондоне по поводу открытой подписки для устройства одной из предлагаемых Оуэном колоний для бедных. Подписка эта дала недостаточный сбор, и потому замысел не осуществился; в обе палаты была представлена петиция за подписями многих известных лиц с просьбой рассмотреть планы Оуэна в связи с улучшением быта бедной части населения страны. При этом герцог Кентский выражал готовность ехать в Шотландию и лично осмотреть Нью-Ланарк, чтобы поддержать перед палатой те факты, на которые опирался Оуэн.

В том же месяце во время заседания Нижней палаты один из сторонников Оуэна, сэр Вильям де Креспиньи, попросил назначить парламентский комитет для рассмотрения предложений Оуэна. Он сказал при этом, что высшим классам необходимо ознакомиться с положением бедных, дабы устранить их бедствия, так как в противном случае анархия и кровавые беспорядки могут угрожать всему обществу. Он сам видел в Нью-Ланарке, чего можно достигнуть разумным воспитанием, и полученные там впечатления не забудет до конца своей жизни.

При голосовании за предложение Креспиньи было подано 16 голосов и против него — 114. Это парламентское заседание, в котором участвовали некоторые из самых выдающихся людей того времени (Брум, Рикардо, Вильберфорс), прекрасно характеризует отношение образованного общества к идеям Оуэна и то, насколько повредил он себе, открыто высказав свои взгляды на предшествовавших публичных митингах. 114 голосов, поданные против предложения, клонившегося к облегчению участи страждущих миллионов бедняков и рабочих, бедствия которых дошли в это время до ужасающего предела, — говорят сами за себя, красноречивее всяких слов.

В следующем году Оуэн подал представителям местного управления графства Ланарк доклад о мерах по борьбе с бедностью, который был издан отдельною брошюрой и дал новый толчок возбужденному им движению. Брошюра эта получила известность и за границей, так что даже французская академия прислала Оуэну благодарность. Здесь, между прочим, развивая очень подробно свои планы устройства промышленно-земледельческих общин, он в первый раз говорит, что *человеческий труд, а не деньги, должен быть единицей обмена*. Впоследствии, опираясь на этот принцип, составляющий, как известно, основу многих из современных

экономических учений, – Оуэн учредил предприятие (National equitable labour exchange), о котором мы поговорим далее.

В 1821 году в парламент была опять внесена петиция со многими подписями влиятельных лиц, ходатайствовавшая о создании комитета для посещения Нью-Ланарка и составления доклада о нем. Ее постигла та же участь, что и первую, причем некоторые из участвовавших в обсуждении лиц, пользовавшихся тогда большой известностью, и в том числе знаменитый Юм, позволили себе крайне неприличное глумление над идеями Оуэна.

За два года до этого Оуэна выдвинули в парламент от Нью-Ланарка, но его не выбрали, да в Оуэне и не было честолюбия сделаться членом парламента. Около тридцати лет спустя он согласился быть кандидатом от одного из избирательных округов Лондона, но и то с единственной целью – использовать этот случай для обращения к избирателям с речью.

Мы уже упоминали о Вильяме Аллене, самом выдающемся из товарищей Роберта Оуэна по нью-ланаркскому делу. Он был весьма богатым человеком, квакером по вере и считался в Англии одним из самых выдающихся и несомненно искренних филантропов; но при этом он отличался узкими взглядами и тою особым вида религиозностью, которая проникнута созерцанием своих собственных совершенств. Аллен пользовался большою известностью в английском обществе: он принадлежал к числу видных членов библейского общества и являлся выдающимся выразителем того *пиетизма*, который тогда был распространен не только по всей Европе, но проник и в Россию, особенно в высшие сферы общества. Аллен с самого начала стал в оппозицию к Оуэну, постоянно мешал ему и своими придирками довел до того, что последнему пришлось оставить дело, которому он посвятил лучшие свои силы.

Аллен относился к Оуэну с постоянным подозрением, вечно вмешивался в дела школы, находя, что воспитание в ней недостаточно проникнуто религиозным духом, и ввиду этого даже завел тайный надзор за школой, поручив его местному пастору. Как узкий сектант и святоша того английского типа, который существует и поныне, Аллен возмущался широкой религиозной терпимостью Оуэна, положенной им в основание школьного воспитания. В последние годы он настоял даже, чтобы в Нью-Ланаркскую школу был назначен избранный им учитель из Лондона. Речи, произнесенные Оуэном на митинге в зале “Лондонской таверны”, окончательно восстановили Аллена против последнего.

“Я виделся с лордом Сидмутом, – пишет он, – и объявил ему, что мы смотрим с отвращением на принципы, проповедуемые Робертом Оуэном”.

В другом письме он говорит: “Роберт Оуэн в городе... Он публично заявил о своих принципах... И я не согласен оставаться в нью-ланаркском деле, если только оно не будет находиться под строгим надзором человека, которому мы можем вполне доверять”.

Лучшим ответом на клеветы, распространяемые людьми, подобными Аллену, и разными клерикальными святошами, было мнение, высказанное около двух лет спустя комитетом под председательством герцога Кентского, в числе членов которого были герцог Сассекс, сэр Роберт Пиль, Давид Рикардо, де Креспиньи, Макиннон, Вуд и другие пользовавшиеся всеобщим уважением и известностью люди. “Комитету, – говорят они, – уже известны те возражения, которые приводились против системы Оуэна, но все они не имеют в своем основании ни фактов, ни здравого смысла”.

Тем не менее, Аллен не переставал преследовать Оуэна и всякими способами тормозить его дело. С двадцатых годов, вследствие частых отлучек в Лондон и поездок на континент и в Америку, занятый к тому же общественной пропагандой своих идей, а более всего вследствие тех отношений, которые сложились у него с товарищами, руководимыми Алленом, – Оуэн уже менее занимался Нью-Ланарком. Наконец в 1828 году этот узкий сектант добился своего: Оуэн решил покинуть созданное им дело, с которым были связаны его самые блестящие успехи и которому он посвятил свою молодость и свои лучшие силы. В это время ему было пятьдесят семь лет.

Одним из первых последователей идей Оуэна, связанных с устройством кооперативных земледельческих общин, был известный Авраам Комбе.

В 1820 году в числе многих других посетителей он был в Нью-Ланарке. Все виденное произвело самое сильное впечатление на этого даровитого и энергичного человека. Ему было в то время тридцать пять лет. Ничто не предвещало в нем будущего социального деятеля. Он жил в Эдинбурге, занимаясь ремеслом кожевника, и в своем ближайшем кружке славился остроумием ума и сатирической стрункой, так что его пародии и шуточные стихи возбуждали всеобщий смех и их даже боялись. Он усердно занимался своим делом и не упускал своей выгоды. После посещения Нью-Ланарка в нем произошла внезапная перемена. Он стал вести самую строгую жизнь, бросил крепкие напитки, даже сделался вегетарианцем. Всецело уверовав в идеи общежития, проповедуемые Оуэном, первое время он стал издавать брошюры по социальным вопросам, потом обратился к практической деятельности. После нескольких попыток устройства кооперативного кружка работников в своей ближайшей среде он

сошелся с шотландским землевладельцем Гамильтоном, уже ранее предлагавшим землю для осуществления в виде опыта земледельческой колонии Оуэна. Вместе они приобрели небольшое имение Орбистон в девяти милях от Глазго и в начале 1825 года приступили к сооружению необходимых зданий, рассчитанных на помещение ста семей. Кроме отдельной квартиры для каждой семьи здесь были общественная кухня, столовая, библиотека, школа и другие общественные учреждения, устроенные по планам Оуэна, уже реализованным в Нью-Ланарке. На призыв учредителей собралось множество разного народа из Англии и Шотландии, так что к концу 1826 года в колонии было уже до 300 человек. Все члены ее должны были сами работать и получали все необходимые жизненные продукты пропорционально заработку, так что каждый член колонии являлся дебитором и кредитором: все взятое им на общественных складах, а также все расходуемые на его содержание средства записывались на его дебиторский счет, вся же сделанная им работа вписывалась в счет кредита. Все барыши предприятия делились поровну между работниками. Люди, собравшиеся здесь, настолько различались по своему воспитанию, нравам и способности к работе, что потребовались вся настойчивая энергия, талант и практическая сноровка Комбе, чтобы справиться с тем хаосом, который царил в этом разнокалиберном обществе, особенно при начале дела; но благодаря несокрушимой воле и организаторской способности этого замечательного человека в новой колонии уже через год стал водворяться порядок. Работы производились усердно; все дети до двенадцати лет учились в школе, после чего их занимали здоровой, подходящей им работой; жители были одеты в собственного изделия простые, но теплые и удобные платья; пища была простой, но здоровой и питательной. В нравах колонистов также произошла резкая перемена к лучшему: пьянство и другие пороки под влиянием общественного порицания прекратились; женщины, пользовавшиеся здесь одинаковыми правами с мужчинами, перестали ссориться между собою и быть поводом к раздору. В колонии даже возник театр, доставлявший много удовольствия жителям. При самом начале общины издавался журнал "Orbiston Register" ("Орбистонский указатель"), и в нем уже стали появляться статьи, полные радужных мечтаний об окончательном упрочении колонии, которая послужит образцом для множества других, ей подобных, не только в Англии, но в Европе и Америке. Но человек, положивший основание всему этому делу, уже стоял на краю могилы. Непосильная и непривычная для него работа с лопатой окончательно надорвала его силы, и Комбе умер в августе 1827 года. Начатое им дело, еще далеко не упрочившееся,

развалилось с его смертью. Орбистон был куплен соседним землевладельцем, и громадное здание, в котором жили колонисты и где помещались разные общественные учреждения, было продано на слом. Орбистон представлял одну из первых попыток устройства земледельческой общины, основанной на началах кооперации, и, принимая в соображение новость дела, краткий период опыта, проделанного при таких неблагоприятных условиях и всецело опиравшегося на усилия одного человека, это начинание вряд ли может быть основательным поводом к тем насмешкам, которыми осыпали его враги идей Оуэна. Память об Аврааме Комбе сохранилась в Англии, и имя его пользуется уважением как имя одного из достойных общественных деятелей.

ГЛАВА IX. ПОЕЗДКА В АМЕРИКУ

Блестящий прием. – Поселение “гармонистов” в Индиане. – Оуэн покупает их землю. – Основание “Новой Гармонии”. – Призыв новых поселенцев. – Обращение к ним Оуэна. – Обреченность этого эксперимента Оуэна. – Деятельность и развал общины. – Оуэн покидает дело. – Его поездка в Мексику. – Переговоры с мексиканским правительством. – Предложение территории. – Отказ Оуэна. – Его возвращение в Англию

Ввиду тех неудач, которыми сопровождались его попытки привлечь английское правительство и общество к насаждению земледельческих общин, посредством которых он надеялся побороть нищету и развить новые нравственные начала среди рабочих классов, – Роберт Оуэн решил поехать в новую страну, менее зараженную старыми предрассудками, где он думал найти больший простор для своих начинаний и встретить более сочувственное отношение к своим идеям.

В 1823 году он поехал в Америку, с которою у него уже были близкие связи, так как сыновья его поселились в этой стране и старший из них, Роберт Дейл Оуэн, был в это время даже членом конгресса. Ему предшествовала в Америке его слава одного из самых видных общественных реформаторов. Он был принят с величайшим почетом президентом, членами правительства и выдающимися людьми Соединенных Штатов. Хотя предложение о рассмотрении его планов комитетом и не прошло в конгрессе, тем не менее, его пригласили изложить свои идеи в лекции, которую он и прочел в зале народных представителей в Вашингтоне, в присутствии президента, министров и многих из членов конгресса. Идеи Оуэна приобрели популярность в Америке, представители правительства и богатых классов не оказывали ему сопротивления, как в Англии, и он нашел здесь много сторонников и друзей. Но главная цель его поездки заключалась не столько в пропаганде идей, сколько в устройстве большой колонии, ибо Оуэн надеялся осуществить здесь те свои планы, которые он пока безуспешно проповедовал в Англии.

В штате Индиана на берегах реки Уабата с 1814 года существовало немецкое поселение “Гармония”. Здесь жили религиозные энтузиасты, переселившиеся в Америку вместе со своим главою и основателем секты Риппом из Германии, из окрестностей Штутгарта. Так называемые

гармонисты представляли религиозную евангелическую секту с суровыми, почти аскетическими правилами и старались приблизиться к идеалу жизни, завещанной первыми христианами. Они занимались земледелием, каждая семья жила в отдельном домике, имела клочок земли для огорода и небольшое количество скота и домашней птицы; но затем всякая личная собственность отвергалась и все имущество колонии, а также все продукты труда составляли общее достояние. Первоначально, в 1804 году, члены секты поселились в штате Пенсильвания, но с 1814 года перешли в Индиану, где и основали городок Гармония. Несмотря на строгую религиозную подкладку, мирские дела общины процветали и первоначальный вклад каждого члена, равный 25 долларам, возрос теперь до 2500 долларов. Услышав, что “гармонисты” желают продать свои земли, чтобы опять переселиться в Пенсильванию, Оуэн явился покупателем и приобрел их за 140 тысяч долларов. Земель оказалось около 10 тысяч десятин, из них примерно 800 десятин были расчищены и находились под культурой. Часть земли лежала по берегу судоходной реки, тут же на возвышении стоял маленький городок Гармония; распаханые земли были окружены холмами, покрытыми виноградниками и первобытным лесом. Оуэн стал вызывать новых поселенцев, и не прошло трех месяцев, как около него сгруппировалось до 900 человек, изъявивших желание сделаться членами новой колонии и быть последователями его идей. Как и следовало ожидать, все это сборище людей с разных концов страны отличалось крайним разнообразием в своем составе. Тут были и искренно убежденные люди, не боявшиеся работы и готовые перенести всякие лишения, чтобы начать новую жизнь, согласную с их идеями справедливости и счастья; тут было много и таких, которые стремились к спокойному, обеспеченному житью при наименьшем количестве работы; наконец, хватало и просто бедняков, которым некуда было преклонить голову. В основание новой колонии были положены уже известные принципы равенства, всеобщего труда, общности имущества и вознаграждения за труд продуктами. В августе 1825 года Оуэн собрал весь этот народ в большой общественной зале и изложил те цели, которыми он задавался, учреждая новую колонию. Он не ожидал, чтобы легко было сразу перейти от прежних привычек, от системы соревнования и конкуренции к системе кооперативного труда, – полное осуществление этого стремления возможно только в следующем поколении, уже подготовленном разумным воспитанием. Но многое в этом направлении может быть сделано и теперь. “Новая Гармония” (как была названа колония Оуэна) представляется промежуточной станцией на пути, где мы

можем освободиться, как от старого, изношенного платья, от старых привычек, закоренелых предрассудков, одеться в новую одежду и подготовиться к той новой, разумной жизни, которая ожидает нас впереди. Поэтому община будет представлять из себя в течение первого года только “Предварительное общество” для испытания; по истечении этого срока уже будет видно, кто из членов новой колонии достаточно подготовлен, чтобы войти в новую жизнь, основанную на принципах всеобщего труда и равного распределения его продуктов, после чего только может последовать окончательная организация общины. Из среды членов новой колонии был избран распорядительный комитет, руководствовавшийся в своих дальнейших действиях указаниями Оуэна.

Уже с самого начала опыта в “Новой Гармонии” можно было предвидеть неудачу дела. В толпе, собравшейся на призыв Оуэна, люди убежденные, искренно желавшие работать в новых условиях жизни, составляли только меньшинство; большая же часть пришла сюда для того, чтобы пожить без нужды и забот, опираясь на обещания Оуэна и ожидая, что все будет для них устроено. Здесь существовал полнейший контраст с той обстановкой, которая была в Нью-Ланарке. Там люди были связаны с устоявшимся уже делом, и все реформы Оуэна естественно вытекали из условий этого дела. Здесь самые разнохарактерные люди собирались во имя идеи, смутно понимаемой большинством, причем им самим предстояло сознательно и в общем дружном усилии осуществить ее. Только благодаря энтузиазму и непоколебимой вере в силу своих принципов Роберт Оуэн мог решиться на такую безнадежную с самого начала попытку; и нужно удивляться той поразительной энергии и организаторским способностям, благодаря которым он мог столько сделать при таких неблагоприятных условиях. Первоначальная колония разделилась уже в 1827 году на несколько отдельных общин со значительно меньшим числом членов, группировавшихся по занятиям, причем город Новая Гармония служил им общим центром, – здесь находился главный склад продуктов и всего необходимого, что заработано было трудом поселенцев. Два старших сына Оуэна являлись деятельными членами общины. Постепенно раскол усиливался, а вместе с ним споры и несогласия во взглядах. Воспитание, составлявшее главный предмет забот Оуэна, утратило единство; появилось несколько школ, в которых характер обучения совершенно не соответствовал его взглядам. То и дело вспыхивали ожесточенные религиозные диспуты. Даже две главные общественные язвы – конкуренция и монополия, – с которыми боролся Оуэн, стали проникать в “Новую Гармонию”. Под конец он увидел, как

много времени нужно на то, чтобы пересоздать, даже при самых энергичных усилиях и громадном влиянии одного человека, старые общественные привычки, создававшиеся веками.

В 1828 году, в последний свой приезд в Америку, он собрал митинг поселенцев и, объявляя о своем отказе от дальнейшего участия в этом деле, сказал им:

“Этот опыт доказал, что семейства, воспитанные при старой системе индивидуализма, основанной на суеверии, не могут проникнуться тою терпимостью и братским милосердием друг к другу, без которых немислимо согласие и доверие между членами колонии и без которых не может существовать никакое подобное общество!.. Но, – прибавляет он далее, – конечно я не могу порицать моих собратьев за то, что они не в состоянии были понять свои настоящие выгоды. Я могу чувствовать при этом только одно сожаление и постараюсь, если буду в силах, извлечь из своих заблуждений пользу для всех”.

Утешением для Оуэна, ввиду неудачи, постигшей его опыт, могло быть сознание, что его идеи получили значительное распространение в Америке, так как по образцу “Новой Гармонии” и на основании его принципов устроилось множество земледельческих общин в разных местах союза.

В том же 1828 году Роберт Оуэн посетил Вест-Индию и Мексику и представил президенту республики записку, в которой предлагал взять на себя управление Техасом (впоследствии отошедшим к Соединенным Штатам) с тем, чтобы предотвратить бедствия, театром которых сделалась потом эта провинция. Оуэн в своем ходатайстве опирался на рекомендации герцога Веллингтона, мексиканского посланника в Лондоне, и множества других известных лиц. Его представил президенту английский посланник лорд Пэкенгам, который сам взялся изложить его планы на официальной конференции.

Мексиканское правительство не нашло возможным воспользоваться предложением Оуэна, так как управление Техасом не вполне зависело от него; но взамен оно предложило реформатору взять на себя управление громадной территорией, лежавшей между Тихим океаном и Мексиканским заливом. Оуэн сам говорит, что он был поражен таким великодушным предложением; но при дальнейших переговорах выяснилось, что правительство не может гарантировать в этой стране полной религиозной свободы, которую Оуэн ставил непременным условием. Пока дело

обсуждалось в конгрессе, он совершил путешествие по Мексике и познакомился со многими из выдающихся людей, сообщая им свои взгляды, между прочим со знаменитым генералом Санта-Анна и с епископом Пуэбло, – все они отнеслись с полным сочувствием к его планам.

“Моей целью, – говорит он, – было населить эту новую и во многих местах дикую страну трудолюбивыми и нравственными людьми из среды рабочих классов Англии и Европы, среди которых уже существует желание начать новую жизнь в общинах, основанных на взаимном труде и помощи. К ним присоединились бы многие из Соединенных и старых мексиканских штатов. Я намеревался также заключить мир с соседними индейскими племенами и привлечь их к населению новой территории, предоставляя им вначале устраиваться в привычной им обстановке, с тем чтобы постепенно приучать к той истинно семейной жизни общины, к которой они были уже отчасти подготовлены”.

В конце концов выяснилось, что требования Оуэна относительно полной религиозной свободы не могли быть удовлетворены представителями Мексиканской республики, в которой царил католицизм; но даже при полном выполнении поставленных им условий вряд ли можно было надеяться на удачу его грандиозного плана колонизации этой громадной территории в то время, когда земля здесь не представляла почти никакой ценности и американский континент в избытке удовлетворял потребности европейских эмигрантов.

Отказавшись от целого нового государства в силу своей непреклонной веры в принцип свободы совести, Оуэн теперь возвратился в Англию, где ему предстояла более плодотворная деятельность.

ГЛАВА X. КООПЕРАЦИЯ И ОБМЕН ТРУДА

Первая идея кооперации. – Обращение к массам. – Основание журнала “Экономист”.– Потребительное общество наборщиков. – Лондонское кооперативное общество. – Учреждение других кооперативных журналов. – Митинг рабочих в Лидсе. – Распространение первых кооперативных товариществ. – Неудача первого кооперационного движения и ее причины. – Рочдэльская ткачи и новое движение. – Учреждение Банка обмена труда. – Принципы его работы. – Причины неудачи

Еще до своей поездки в Америку Роберт Оуэн был сильно занят идеей организации кооперативных товариществ, которую распространял между своими друзьями и приверженцами. Его обращение к высшим и богатым классам не имело успеха. Он не мог собрать тех капиталов, которые были нужны для осуществления дела в широких размерах. Попытки заинтересовать правительство, как уже было сказано ранее, не привели ни к чему; его проекты не имели успеха в Филантропическом обществе, несмотря на поддержку многих людей, пользовавшихся большим влиянием. В этот поворотный момент в его карьере ему предстояло на выбор: или удалиться от общественных дел и вести спокойную жизнь богатого, всеми уважаемого человека; или отдаться деятельной пропаганде своих идей среди масс, в надежде, что последние осознают наконец свою собственную пользу и сами примут участие в том деле, с которым были связаны их самые насущные интересы. Когда его спрашивали впоследствии, почему он предпочел мучительную, полную тревог и вражды борьбу с установившейся несправедливостью спокойной жизни частного человека, он отвечал, что какими бы она ни была полна благами, он не мог жить спокойно, сознавая все те бедствия, которые совершенно напрасно терпело большинство населения страны, и что для него было невозможно личное счастье вне деятельности, направленной на смягчение этих бедствий.

Дело, предстоявшее Оуэну, было обставлено значительными трудностями. Прежде не было сколько-нибудь значительной пропаганды его идей среди рабочих; они были угнетены и разрознены вследствие

установившейся системы производства, не говоря уже о том, что английское правительство, опасаясь повторения в стране французской революции, старалось путем разных стеснительных законов, направленных против политической свободы, убить всякую личную инициативу, всякую возможность коллективных действий рабочих и отдало их совершенно в руки фабрикантов, в результате чего явились нищета, невежество и нравственное отупение. Предварительно Оуэн должен был создать несколько кружков из убежденных энергичных людей, проникнутых верою и энтузиазмом, которые бы распространяли его экономические идеи среди рабочих и убеждали их путем опыта в целесообразности его планов, направленных на улучшение их материального и нравственного быта.

В 1821 году был основан в Лондоне кружком таких людей еженедельный журнал “Экономист”, имевший целью просвещение рабочих производительных и потребительных ассоциаций. Одновременно с этим группа лондонских наборщиков основала *Кооперативное и экономическое общество*, собиравшееся в помещении редакции журнала, где обсуждались планы Оуэна и возможность их применения. Члены общества предполагали устроить рабочую ассоциацию из 250 семей, которые должны были поселиться в одном общем или нескольких соседних зданиях с общими кухнями и столовыми. Из их еженедельных взносов должен был составиться капитал; вначале они предполагали продолжать заниматься каждый своим ремеслом, но потом рассчитывали соединиться в одно самостоятельное кооперативное предприятие, в котором каждый из членов ассоциации нашел бы себе заработок. Они не в состоянии были осуществить свой замысел полностью и по недостатку денежных средств и малому числу членов должны были ограничить свою программу только совместным заготовлением необходимых продуктов по оптовой цене, то есть реализацией идеи потребительных обществ. Но, тем не менее, в своем постановлении они говорят:

“Общество наше, помимо распространения тех принципов, которые соединили нас, должно преследовать как свою главную цель устройство такого производительного и потребительного учреждения, при котором могли бы быть осуществлены планы, развитые великим благодетелем человечества – м-ром Робертом Оуэном из Нью-Ланарка”.

Вслед за этим обществом возникло несколько других в разных частях Англии. В конце 1824 года в Лондоне появилось Кооперативное общество,

имевшее по преимуществу литературный характер; оно издавало брошюры, памфлеты и путем периодических собраний, где читались лекции и обсуждались разные экономические вопросы, связанные с новой системой Оуэна, старалось распространять между публикой его идеи. Сам Роберт Оуэн часто принимал участие в этих собраниях, излагал свои теории и диспутировал с мальтузианцами. Наконец, в 1826 году Общество начало издавать журнал под названием “Cooperative Magazine” (“Кооперативный сборник”), который много способствовал распространению идей Оуэна о пользе ассоциаций в их разных видах. В первое время последователи его задавались очень широкими планами, как, например, создание земледельческих и промышленных общин, устройство которых требовало больших средств и во многом зависело от помощи состоятельных людей, что, конечно, задерживало их развитие. Но в 1827 году в “Кооперативном сборнике” появилась статья “Опирайтесь на самих себя”, и с тех пор старая истина, что “сила заключается в союзе”, сделалась основным принципом всех дальнейших попыток этого рода. Повсюду стали возникать маленькие общества из числа рабочих и последователей Оуэна; члены их вносили еженедельно по несколько копеек, и накапливавшиеся таким образом суммы посылались в лондонскую ассоциацию *Центрального кооперативного фонда*, преследовавшего цель устройства самостоятельных земледельческих и промышленных колоний, в которых провинциальные вкладчики могли принимать участие пропорционально их взносам.

В 1828 году начал выходить “Cooperator”, периодически появлявшееся издание в виде газетного листка, касавшееся исключительно практической стороны вопроса, где помещались все сведения и цифровые данные о развитии нового движения. Это издание, душою которого был последователь Оуэна, известный д-р Кинг, широко расхвалилось по всей Англии и особенно между рабочими. В одном из первых номеров его описан митинг, проходивший в 1828 году в Лидсе, на котором бирмингемский рабочий Карсон сделал очень дельный доклад о действии кооперативной системы. Доклад этот дает очень хорошее представление о том, на каких основаниях устраивались первые кооперативные товарищества рабочих. Карсон в своей речи предлагал устроить такое товарищество из шестидесяти семей, при еженедельном взносе в один шиллинг. Начавшееся таким образом с шестидесяти семей потребительное общество в Лидсе разрослось к семидесятым годам до громадного предприятия, в котором участвовало более 20 тысяч рабочих.

К концу 1829 года в Англии существовало 133 кооперативных

товарищества, а в 1830 году их насчитывалось уже примерно 300. Преобладали среди них потребительные склады; участники предприятия не пользовались дивидендом, как это принято в новейших обществах потребителей, так как он шел на увеличение капитала, предназначенного для осуществления конечной цели ассоциации, то есть для учреждения собственного промышленного предприятия, которое давало бы заработок всем членам товарищества. Но осуществление такой идеи казалось многим слишком отдаленным; немедленные выгоды, получаемые от подобных ассоциаций, не представлялись достаточно привлекательными для большинства, и первая волна кооперативного движения, достигшая высшего своего предела в 1832 году, когда число таких товариществ подошло к 700, стала постепенно ослабевать.

Большинство образовавшихся товариществ через несколько лет исчезли. Главную причину этого следует искать в недостаточной подготовке самих рабочих, к которым идея кооперации пришла извне; они были слишком подавлены, слишком рассчитывали на стороннюю помощь, они еще не привыкли действовать сообща и опираться на собственные силы, отстаивая свои интересы. Им предстояло пережить еще несколько лет жестокой нищеты, волнения рабочих союзов, чартистские восстания и политическую борьбу, вызванную биллем о реформе, прежде чем кооперативное движение вступило в новый фазис своего развития.

В начале сороковых годов товарищество ткачей в Рочдэле – так называемые рочдэльские пионеры, – пользуясь прежним опытом своих собратьев, устроило потребительное общество с первоначальным капиталом в 280 рублей, который в течение пятнадцати лет вырос до 1200 тысяч рублей, и положило начало новому движению, охватившему затем всю Европу. Ежегодный оборот кооперативных обществ в одной Великобритании превышал в восьмидесятих годах 250 миллионов рублей, причем прибыль, получаемая их членами, составляла около 30 миллионов рублей. Замечательно, что самые успешные из старинных кооперативных товариществ как в Англии, так и во Франции: товарищество рочдэльских ткачей и Лионский союз рабочих, – основаны в самое тяжелое время стачек и безработицы. Размеры настоящего очерка не позволяют входить хотя бы и в поверхностный обзор дальнейшей истории кооперативных товариществ в их разных формах, производительной и потребительной, а также земледельческих ассоциаций, однако несомненно, что дело, начало которому положил Роберт Оуэн, не только получило громадное развитие в современной жизни, но принципу кооперации предстоит играть важную роль и во всех будущих экономических движениях.

Роберт Оуэн почти с самого начала своей общественной деятельности никак не мог помириться с мыслью, что несмотря на колоссальные богатства Англии, сосредоточенные в немногих руках, значительная часть ее населения остается без работы и в состоянии, близком к голодной смерти. Его постоянно преследовала мысль: как занять праздные руки и как накормить голодные рты? В течение 60-ти лет, начиная с 1817 года, Англия пережила более тридцати коммерческих кризисов, угнетавших ее промышленность и приносивших страшные бедствия рабочему населению. Даже и в сравнительно хорошие годы далеко не все находили работу; поэтому Оуэн часто задавал себе вопрос: если труд порождает богатство, то отчего же большинство работников страны должно голодать в невольной праздности? Государственные люди и политики не давали ответа. Экономисты толковали о падении спроса, о переполнении рынков, забывая при этом, что если бы голодающие люди имели работу, то они сами влияли бы на рынок, поскольку естественно расширилась бы сфера их жизненных потребностей. Производитель был в то же время и потребителем, и Роберт Оуэн был убежден в необходимости общественных мер, направленных к тому, чтобы дать возможность праздному работнику производить хотя бы столько продуктов, сколько необходимо ему, чтобы поддержать свое существование.

Оуэновский план *Банка обмена труда*, оформившийся в начале 1830 года, имел главным образом в виду занять людей, лишенных работы. В основание его была положена мысль о том, что труд есть мерило ценности и источник богатства.

Трудно было придумать какой-нибудь другой план, который дал бы возможность занять миллионы работников, остававшихся в этот период угнетенного состояния промышленности вовсе без работы или только частью занятых, не внося опасных потрясений в существующие торгово-промышленные отношения. Проект Оуэна ничем не нарушал действующей системы. В нем предлагалось устроить центральное учреждение, где каждый работник в обмен на производство своего труда получал бы его стоимость в виде кредитных знаков, выражавших его ценность не в деньгах, а в затраченном на него времени, в рабочих часах. За все, что приобреталось покупкою, уплачивалось бы такими же знаками, или банкнотами, по существующей рыночной цене, причем за единицу обмена принимался *рабочий час*, приравненный к 20 коп., которым, таким образом, заменялась ходячая монетная единица. Так, например, сапожник, представляя к обмену пару ботинок, материал для которых стоил, положим, 1 руб. 40 коп. и на которые было затрачено им семь рабочих часов,

соответствовавших (по 20 коп. в час) также 1 руб. 40 коп., получал за свое изделие 14 часовых банкнот, равных по ценности 2 руб. 80 коп. На них он мог купить материал для продолжения своей работы и необходимые продукты для прокормления себя и своей семьи. В то время как он занимался своей работой, прочие работники изготавливали другие необходимые предметы, получали в обмен на них соответствующее число часовых знаков и таким же путем приобретали делаемые им сапоги. Учреждение это должно было охватывать все отрасли промышленности и ремесел, должно было, одним словом, иметь в наличии все предметы, необходимые для человека, и всякий работник в обмен на известные произведения своего труда непосредственно получал бы все необходимое для жизни, причем мерилom ценности являлись бы уже не деньги, а рабочий час.

При такой системе могли получить работу все незанятые работники, обмениваясь между собою своими произведениями; каждый из них, знавший какое-нибудь дело или ремесло, нашел бы применение своему труду и умению и был бы по крайней мере обеспечен предметами первой необходимости; производящая сила рабочих рук не пропадала бы даром, и работники при этом естественно формировали бы тот рынок, тот спрос на известные предметы, отсутствие которого так губительно при существующей системе. При таком порядке труд непосредственно обменивался бы на труд, и пока эти поневоле праздные и голодающие люди могли производить то, что было нужно для взаимного удовлетворения их потребностей, до тех пор они не знали бы нужды. Вот сущность идеи Оуэна, положенной им в основание Банка обмена труда.

Очевидно, что осуществление такого плана было связано с громадными трудностями, требовало значительного капитала и, вероятно, большей опытности, чем та, которою обладали его первые исполнители. Потребовалось большое помещение, приспособленное под склады для разных предметов, приносившихся на обмен, а также разнообразного сырого материала, необходимого для работы; приходилось нанять целый штат приказчиков и других служащих, хорошо знакомых с ценою произведений, представляемых для обмена. На первое время необходима была особая контора, где можно было бы обменивать на деньги выданные банкноты в том случае, если предъявитель их не находил в складах тех произведений, которые ему требовались, и, кроме того, в новом учреждении должен был существовать особый отдел для отпуска необходимых пищевых продуктов, чтобы участникам предприятия не приходилось обращаться к разным мелким торговцам по соседству,

которые, принимая в уплату новые банкноты со значительной скидкой, могли спекулировать на этом и извлекать для себя значительные выгоды в ущерб предприятию. Конечно, многие произведения из числа представлявшихся к обмену могли быть сделаны дешевле фабричным способом, чем при господствовавшей здесь системе домашнего производства; но следует помнить, что учреждение это имело главным образом в виду лиц, нуждавшихся в работе, вызывая к деятельности те силы, которые иначе оставались бы непроизводительными и пропадали бы даром. Эти люди не работали здесь для конкурирующих между собою рынков, но для удовлетворения своих собственных ближайших потребностей и все равно оставались бы без дела, если бы не существовало такого способа обмена, устроенного к обоюдной выгоде производителя и потребителя. Если бы только подобная система могла укорениться, то, без сомнения, удовлетворяя действительно существующему требованию, она была бы вне всяких случайностей, происходящих от колебаний цен и спроса, спекуляции, кризисов, войн и так далее, которым постоянно подвергается фабричное производство.

Если бы Роберт Оуэн располагал достаточными денежными средствами, то благодаря его необыкновенным деловым способностям ему, вероятно, удалось бы с успехом осуществить этот первый опыт взаимного обмена труда, который составляет подкладку новейших экономических учений.

При самом начале дела Оуэну пришлось бороться с нетерпением своих товарищей, желавших начать предприятие в то время, когда еще далеко не все было готово. Он сдерживал их сколько мог, но в конце концов принужден был уступить. Центральный склад обмена труда начал свою деятельность в большом помещении, предоставленном хозяином в пользование учредителей безвозмездно. Но когда владелец увидел, что дело пошло хорошо и что оборот склада достигает уже 10 тысяч рублей в неделю, он неожиданно потребовал с учредителей несообразную наемную плату и, получив отказ, преспокойно выгнал их на улицу. Им пришлось переселяться в другое, менее удобное помещение, в более отдаленной части города, в то самое время, когда дело, после первых затруднений, происходивших от новизны предприятия и неопытности служащих, уже развернулось и получило известность между рабочими. Такой неожиданный поворот, помимо других неудобств, потребовал новых и непредвиденных затрат. Кроме того, одна из главных причин неудачи, постигшей новое предприятие, заключалась в том, что по недостатку средств в обменном складе были слабо организованы отделы снабжения

работников необходимыми пищевыми продуктами и сырым материалом для производства, что, по существу, должно бы составлять здесь, пожалуй, самую важную отрасль; для удовлетворения спроса пришлось заключать особые соглашения с разными торговцами, совершенно чуждыми основной идеи предприятия и, конечно, преследовавшими одни цели личной наживы. Все это внесло путаницу в новое дело, лишило его цельности и подорвало его кредит. Банк обмена труда, основанный в 1832 году, под влиянием всех этих неблагоприятных обстоятельств и главным образом вследствие недостаточного оборотного капитала должен был прекратить свою деятельность в 1834 году.

Преследуя в своей жизни одну главную цель: утверждение начал справедливости при господствующем экономическом строе, – Роберт Оуэн не смущался неудачами, постигавшими его: он никогда не переставал верить в свою основную идею и с неослабевающей энергией принимался искать новые средства и испытывать новые способы к ее осуществлению.

ГЛАВА XI. “КНИГА НОВОГО НРАВСТВЕННОГО МИРА”

Основание нового журнала. – “Книга нового нравственного мира”. – Обращение к королю и введение. – Изложение основных законов природы человека. – Новое социальное движение. – Манчестер – центр нового движения. – Союз людей всех сословий и наций. – Деятельность Оуэна. – Его чтения. – Мирный характер нового движения. – Гонения и клевета в “Times”. – Епископ Экзетерский и Бриндли. – Их подстрекательства к насилиям

С 1835 года в Лондоне стал выходить журнал “Новый нравственный мир” (“New moral World”), помещавший подробные отчеты о той деятельности, начало которой было положено Робертом Оуэном, и представлявший собою орган уже довольно многочисленной партии его последователей. Об этом можно судить по весьма значительному для того времени количеству подписчиков на журнал, доходившему до пяти тысяч. В 1836 году вышло сочинение Роберта Оуэна под тем же названием, – “Книга нового нравственного мира” (“A Book of the new moral World”), – представляющее сжатое изложение его экономического и нравственного учения и взглядов на “рациональное устройство общества”. В приложенном к этому сочинению письме к тогдашнему английскому королю Вильгельму IV Оуэн говорит:

“Книга, первую часть которой вместе с этим письмом я представляю вашему величеству, раскрывает основные начала *Нового нравственного мира*, для переустройства всего общества и для пересоздания характера человека... Теперь требуется всемирный союз всех правительств и народов, чтобы переустроить общество на новых, прочных началах и доставить всем людям мир и счастье путем разумного применения научных и нравственных открытий, сделанных в последнем столетии. Ваши предки, государь, столетие тому назад имели в своем распоряжении продуктивную умственную и физическую силу, почти равную соединенным усилиям пятнадцати миллионов человек, для снабжения всем нужным такого же числа людей.

Теперь вы управляете производительной силой, уже равною соединенному усилию шестисот миллионов людей, которая может почти безгранично возрастать, для снабжения населения в двадцать пять миллионов, то есть в двадцать четыре раза превышающей действительную потребность. Эта страшная вновь народившаяся сила может быть с самыми благими для них последствиями применена к населению других стран... Такой дар принесет еще большую пользу дающему, чем принимающему его. Британский народ поставлен в самые благоприятные условия для того, чтобы первым предложить такой союз, вызываемый самой необходимостью благодаря успехам знания... Он требуется самую силу вещей, чтобы одинаково спасти правительства и народы от последствий грубого, невежественного насилия и обеспечить всеобщее благосостояние и развитие”.

Сущность этой книги заключается в выяснении укоренившегося взгляда на основные свойства природы человека, который, по мнению Оуэна, повел ко всем страданиям и невежеству, господствующим в современном обществе, и в установлении нескольких основных законов или фактов (как он их называет), раскрывающих истинные свойства этой природы. На основании выводов, естественно вытекающих из этих первоначальных *фактов*, Роберт Оуэн строит целую новую общественную систему – новый нравственный мир, – с воцарением которой дух борьбы и соревнования, личного эгоизма и вражды, порождающий все то зло, от которого страдает человечество, будет заменен всеобщим миром и братством; нищета и сопровождающие ее пороки исчезнут; каждый будет пользоваться по справедливости продуктами своего труда, который благодаря новейшим открытиям и громадным усовершенствованиям в технике достигает небывалой производительности, впрочем, способствуя при настоящих условиях накоплению богатств только в руках немногих; наконец, те блестящие научные открытия, которые составляют отаву нашего века, будут достоянием всех, а не избранного меньшинства, и происходящими от них благами будет равномерно пользоваться все человечество. Вот что обещает Оуэн по усвоении людьми его системы нового нравственного мира, которую он называет *рациональной*, ибо она основана на здравых выводах истинного знания...

Первая часть книги Оуэна, только и появившаяся в печати, посвящена исследованию основных свойств человеческой природы и вытекающих отсюда нравственных выводов, которые должны лечь в основание

разумного общества. Он устанавливает двадцать основных положений или законов, которые, как говорит Оуэн, “существуют независимо от сознания человека, и он не в силах изменить их никаким усилием воли... Взятые отдельно и в целостности и рассмотренные в связи со всеми вытекающими из них последствиями, они составляют основу истинной науки о нравственности...”

Чтобы читатель мог уяснить себе сущность книги Оуэна, приводим краткое изложение этих законов:

1. Человеческая природа представляет смесь животных наклонностей, умственных способностей и нравственных качеств.

2. Все эти свойства соединены в каждом индивидууме в разных пропорциях.

3. В разности этих пропорций заключается все отличие одного человека от другого.

4. Эти первоначальные особенности в каждом человеке складываются независимо от его воли и сознания.

5. Каждый человек рождается в известной внешней среде, под влиянием которой в самый ранний период жизни слагаются общие черты его характера; отсюда, совершенно независимо от него, проистекают его местные и национальные особенности.

6. Влияние внешних обстоятельств особым образом изменяется при взаимодействии с упомянутой первоначальной организацией каждого человека, и таким образом слагается его характер.

7. Место и время рождения, национальность, религия и другие прирожденные и привитые свойства, а также условия окружающей среды совершенно независимы от воли появляющегося на свет ребенка.

8. Каждый человек так устроен, что в юности он может воспринять верные идеи, основанные на знании фактов, или ложные понятия, измышленные воображением и противные действительности.

9. Он неизбежно должен сделаться *неразумным* (нерациональным), если ему с детства под видом правды внушаются ложные понятия; обратное может произойти только при условии, что ему будут внушаться верные идеи, без примеси заблуждений.

10. Каждый человек так организован, что в юности его можно приучить как к вредным привычкам, так и к хорошим, или к смеси тех и других.

11. По своей организации он должен верить в то, что оставило более сильный след в его уме; и такое действие независимо от его воли.

12. Каждому человеку должно нравиться все, что производит в нем

приятное впечатление, и обратно; предварительно не испытав этого, он не может знать, какое впечатление произведут новые предметы на то или другое из его чувств.

13. Чувства и убеждения каждого человека слагаются под влиянием тех впечатлений, которые окружающие обстоятельства производят на его организм.

14. Воля каждого человека слагается под влиянием его чувств и убеждений, взятых порознь или вместе; таким образом, *характер его, как в физическом, так в умственном и нравственном отношениях, образуется в нем независимо от него самого.*

15. Свойство организации каждого человека таково, что получаемые им известные впечатления, которые сначала и в течение определенного промежутка доставляют ему приятные ощущения, если они будут повторяться беспрерывно, по прошествии известного периода не только сделаются для него безразличными, но даже станут неприятными и мучительными.

16. При этом если такие впечатления повторяются через частые промежутки времени, переходящие за известный предел, то они действуют расслабляющим и вообще вредным образом на его физические, умственные и нравственные силы и на его способность к наслаждению.

17. Полное здоровье, способность к совершенствованию и счастье человека зависят от правильного упражнения всех его физических, умственных и нравственных способностей или свойств его природы, вызванных к деятельности в надлежащий период его жизни и затем действующих сообразно своим силам.

18. Каждый индивидуум так организован, что из него может выйти так называемый *дурной, или безнравственный, человек*, если при появлении на свет врожденные свойства его природы были соединены в неблагоприятной пропорции и он был поставлен с детства в неблагоприятные условия.

19. Каждый человек так устроен, что у него образуется *среднего качества характер*, если его природные свойства были соединены между собою при рождении в благоприятной пропорции, но он с самого рождения находился в неблагоприятных условиях. То же самое происходит, если первые соединены в неблагоприятной пропорции, но окружающая среда была благоприятна. Такой же результат получается, если при соединении природных свойств человека часть их образовала благоприятное соотношение, часть – неблагоприятное и если в течение своей жизни он находился среди изменяющихся условий, из которых одни имели на него полезные, другие – вредные влияния. Большинство людей рождается и

живет именно при таких условиях, представляя тип *среднего человека*.

20. В каждом человеке может образоваться характер высшего качества, если его природные свойства соединены в благоприятной пропорции и окружающая среда в течение его жизни, с самого рождения, дарит ему благоприятные впечатления; или, говоря другими словами, – если законы, учреждения и нравы, среди которых он живет, находятся в гармонии с законами его природы.

Далее автор указывает на то влияние, которое эти законы природы человека должны оказывать на образование человеческого характера и на существующий общественный строй.

“Факты и законы природы, положенные в основание предлагаемого учения о нравственности человека, – говорит Оуэн, – бесспорно доказывают, что всякое умственное или нравственное убеждение, равно как и все физические чувства берут начало в инстинктах человеческой природы, составляя то, что мы называем волей... Отсюда происходит тот хаос, который царит в наших нравственных убеждениях, основанных на ложном понимании, смешивающем эти инстинкты со свободной волей, между тем как последняя есть только неизбежный результат их действия.

Только недостаточное знакомство с этой великою истиной препятствует переходу человека от неразумного существования, проникнутого всякими страданиями и горем, к жизни, полной благополучия и радостей. Людям знающим известно, что все необходимое для существования и счастья народонаселения целого мира существует в природе в громадном избытке и что беспредельная скрытая в человеке сила труда и искусства, надлежащим образом направленная, в состоянии превратить эти материалы в самые ценные продукты в таком изобилии, что нет никакой надобности в борьбе за пользование ими.

Если мы сообразим, что человеческая природа в своей целостности представляет смесь известных способностей, склонностей и сил, часть которых делается достоянием каждого отдельного человека; что благодаря этому получается бесконечное разнообразие природных характеров, постоянно способствуя этим увеличению счастья каждого, – то мы невольно преклонимся пред красотой и гармонией этого удивительного плана, особенно когда поймем, что благодаря такому устройству обеспечен почти беспредельный прогресс человечества ко благу всех... благодаря такому бесконечному разнообразию в соединениях немногих основных элементов человеческой природы получается постоянно и бесконечно возрастающая производящая сила. Каждый ребенок, получая при своем рождении новое соединение этих способностей и качеств, вносит с собою,

при разумном развитии их, новые силы для открытия или изобретения чего-нибудь нового или для усовершенствования прежде существовавшего и таким образом способствует увеличению общего благоденствия.

Невозможно представить себе более чудного и полного гармонии плана, чем это простое приспособление природы, обеспечивающее вечный прогресс знания и счастья без всякого противодействия зла. Потому что, – если только, при помощи предлагаемого Нравственного Учения о человеке, будет правильно понята человеческая природа, – всякая вновь появляющаяся разновидность характера представляется источником нового блага и только увеличивает собою сумму средств к достижению высшего предела человеческого счастья”.

Это сочинение Роберта Оуэна вместе с его “Очерками об образовании человеческого характера” дает полное понятие о тех идеях, которые лежали в основании всей его деятельности еще со времени управления Нью-Ланарком. Книга эта имела громадное влияние, привлекла к Оуэну многочисленных последователей, из которых многие приняли ее как жизненное руководство, и в то же время ополчила против него большинство представителей богатой буржуазии и особенно клерикалов, видевших в ней попытку подорвать их авторитет и влияние в обществе.

С 1835 года Роберт Оуэн вместе со своими последователями меняет свою аудиторию. В Лондоне он встречал уже мало поддержки, и вся его дальнейшая деятельность сосредоточилась теперь в Манчестере (где потом издавался и его журнал “Новый нравственный мир”), сделавшемся центром нового движения.

Новое движение, душою которого был Оуэн, опиралось теперь главным образом на рабочих, у которых, конечно, не было ни денег, ни влияния; но зато они внесли в движение ту искренность и энергию, которой недоставало прежним его поборникам, так как они сами постоянно испытывали и видели на каждом шагу горькие последствия той системы, при которой миллионы людей, безуспешно искавших работу, должны были пропадать в нищете и нравственном унижении.

Таким образом, Манчестер, стоявший во главе фабричных городов Англии, с его громадным рабочим населением, естественно сделался центром новой деятельности Роберта Оуэна. Еще в конце двадцатых годов, в разгар первого кооперативного движения, несколько молодых людей из числа последователей Оуэна открыли там склады потребительного общества; среди них был также Ллойд Джонс, биограф Оуэна и один из его ближайших сотрудников.

“Общество наше состояло большею частью из холостой рабочей молодежи, – говорит Джонс в своей биографии Оуэна, – и потому мы не в состоянии были оказать надлежащую поддержку нашему собственному делу. К тому же мы были совсем неопытны, и очень вероятно, что продукты, предлагаемые на продажу, по цене и качеству мало привлекали покупателей; но мы терпеливо продолжали вести свое дело, – правда без выгоды, но и без большого убытка, – до самого 1831 года, когда наконец, увидев, что вряд ли из этого выйдет какой-либо толк, мы решились прекратить его и приступить к другой деятельности. У нас были прилавки, шкафы, несколько стульев и столов; мы наняли две большие комнаты близ церкви Св. Филиппа и открыли школу для обучения мальчиков и девочек, а также и взрослых, если окажутся желающие научиться у нас тому, что мы могли передать. Между нами были два столяра, которые переделали наши полки и прилавки в школьные скамьи, и через короткое время наша вечерняя школа была готова для приема учеников.

Кроме обыкновенного элементарного курса мы учили рисованию, музыке, пению и даже танцам; я исполнял обязанность учителя чистописания. Мы роздали объявления о нашей школе жившим по соседству рабочим и, кроме того, сами ходили между ними, прося их посылать к нам своих детей и если есть желание, то приходить самим. Через шесть месяцев после открытия школы у нас было уже около 170 учеников обоих полов, аккуратно посещавших школу, возраст их колебался от двенадцати до сорока лет. Обучение было бесплатное, и учителя также не получали вознаграждения. Большинство учеников состояло из фабричных подростков, но были также и взрослые рабочие, с удивительною настойчивостью старавшиеся побороть все трудности искусства письма”.

Школа эта работала в течение шести лет, и при ней проходили воскресные митинги, на которых устраивались чтения и лекции, главным образом касавшиеся социальных вопросов, путей улучшения нравственного и материального быта рабочих классов и того участия, которое сами рабочие могли принять в движении, отстаивавшем их самые дорогие интересы.

Описанная школа была одним из зачатков того социального рабочего движения, которое распространилось потом по всей Англии,

просуществовав до середины сороковых годов.

В Лондоне в 1836 году состоялся первый конгресс основанного Оуэном *Союза всех сословий и наций*, поддерживавшего идеи Оуэна в том виде, как они были изложены в “Книге нового нравственного мира”. Довольно громкое название общества подразумевало только, что оно было открыто для всех людей, без различия национальности и класса. С 1837 года конгрессы эти проходили уже в Манчестере, где образовалось так называемое *Дружеское общество*, преследовавшее ближайшие, более практические цели. В крупных промышленных и торговых городах Англии и Шотландии: Ливерпуле, Бристоле, Глазго, Нью-Кастле и других, – а также за границей образовались отделения общества.

В 1836 году Роберт Оуэн, которому в это время было уже шестьдесят шесть лет, начал целый ряд чтений, проходивших отнюдь не только в Манчестере, где специально для этого была нанята на несколько лет большая зала, вмещавшая до трех тысяч человек. С этой целью он объезжал также весь фабричный район, от Лондона до западных графств Шотландии, привлекая на свои чтения тысячные толпы рабочих. Несмотря на свои преклонные годы, Оуэн был проникнут изумительной бодростью и энергией, в Манчестере он читал каждое воскресенье по два раза, утром и вечером, причем во время его вечерней лекции зала всегда была переполнена.

Последователи Оуэна в принципе отрицали необходимость какого бы то ни было насилия для проведения своих социальных реформ. Они заявляли публично, что исправление того зла, на которое они указывали, не может быть достигнуто путем нарушения мира. Они постоянно утверждали, что всякая разумная социальная и политическая реформа должна быть строго обдумана и проведена мирными способами и что всякое насилие при существовании свободы мысли, слова и ассоциации является результатом невежества и разгула страстей. Учение их касалось главным образом экономических и нравственных вопросов, оставляя в стороне политику и теологию. Они стояли в стороне от всяких бурных проявлений народного недовольства и между прочим от *чартистских* мятежей рабочих, чем вооружили против себя многих из последних; тем не менее, им пришлось испытать на себе ожесточенные гонения господствующей буржуазной партии и особенно клерикалов. Самая позорная клевета, самая нахальная, ни с чем не сообразная ложь, подкупы невежественной черни, пасквили в печати – все было пущено в ход против этих мирных, безвредных людей, старавшихся только пробудить общественную совесть в виду тех вопиющих страданий, среди которых

жила масса населения, и изыскивавших законные, никому не вредившие средства, чтобы сколько-нибудь облегчить эти страдания. Во главе начавшихся в конце тридцатых годов гонений на Оуэна и его последователей стояли некий Бриндли и епископ Экзетерский Фильпот, старавшийся опозорить имя филантропа своими клеветами в палате лордов. Имена этих двух людей получили временную известность только благодаря их преследованию Оуэна и потом исчезли бесследно. По части печатных пасквилей особенно отличалась газета “Times”.

“Мы не можем отрицать, – говорит *уважаемая* газета, – что этот старый эгоист истратил пропасть денег в своей дьявольской попытке увлечь за собою общество; но желательно знать – откуда пришли эти деньги и при каких условиях они получены? Когда Оуэн женился на мисс Дейл, у него не было шиллинга за душой, и он получил за ней громадное состояние... Если б старый Давид Дейл мог предвидеть, на что пойдет его наследство, он предпочел бы бросить его в Клайд... Поэтому вся так называемая филантропия Оуэна есть не более как обманная растрата доверенных ему денег...”

Кроме того факта, что Оуэн был женат на мисс Дейл, вся статья в “Times” представляет собою одну сплошную ложь и самую наглую клевету на известного общественного деятеля; но *почтенная* газета, к довершению всего, отказалась даже напечатать письмо Оуэна, в котором он опровергал взводимые на него гнусные обвинения.

Партия, предводительствуемая Бриндли, которого поддерживали фабриканты, и епископом Экзетерским, не останавливалась даже перед насилием в борьбе с Оуэном и его последователями, действуя путем лжи и клеветы и разжигая против Оуэна страсти невежественной городской черни. В Бристоле этот почти семидесятилетний старик чуть не сделался жертвою толпы, состоявшей из городского отребья, которую Бриндли и его клеветы собрали у дверей залы, где происходили чтения, так что в Лондоне уже распространилось известие, что Оуэн убит. Жизнь его ближайших друзей и сотрудников, Джонса и Кэмпбела, не раз подвергалась опасности в других больших городах, где устраивались чтения; они не раз подвергались побоям, и первого из них обезумевшая толпа чуть не бросила в реку.

ГЛАВА XII. ПУБЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ОУЭНА

В 1840 году молодая английская королева Виктория, по внушению тогдашнего главы министерства, лорда Мельбурна, пожелала видеть Роберта Оуэна, о котором уже стали забывать в английском обществе. Свидание это, как и следовало ожидать, не дало никаких существенных результатов; но оно стало поводом к возобновлению разговоров об Оуэне и в парламенте, и в печати. Вождь оппозиции в Нижней палате, Роберт Пиль-младший, воспользовался представлением Оуэна королеве, чтобы напасть на главу министерства; старый враг Оуэна Фильпот, епископ Экзетерский, разразился по этому случаю своими обычными клеветами и ругательствами в Верхней палате; “Times” и другие газеты того же направления поспешили возобновить свои прежние нападки. Так что на честное имя семидесятилетнего старика, уже отходившего от общественной деятельности, а в прошлом столько сделавшего для общества, полились прежние грязные потоки ругательств и клеветы.

В ответ на это Роберт Оуэн издал свой так называемый *манифест*, в котором он после краткого описания всей своей деятельности отвечает на нападки своих гонителей и касается того случая, который был причиной возобновления прежней брани. Кротость, благородное спокойствие и самоуважение человека, в течение всей своей жизни не прибегавшего ко лжи, господствуют в этом замечательном документе, представляющем самый лучший ответ на злобные выходки его врагов. Недаром манифест Оуэна в течение нескольких дней разошелся в 50 тысячах экземплярах.

“Основатель *Разумной системы*, – говорит Оуэн, – осуществил уже, впрочем, некоторую долю своих намерений и дал миру маленькое понятие о том, что он может совершить на пользу человеческих обществ:

1. Своим примером, своими сочинениями, речами, ходатайством перед различными законодателями он добился *улучшения участи детей*, работающих на английских фабриках согласно с требованиями существующей системы производства, истощающей целые поколения и представляющей самое варварское явление в этом мире, имеющем претензию считать себя цивилизованным.

2. Он придумал и учредил, сообразно с началами разумной системы общества, *детские школы*, в которых новая, высшая система внешней

обстановки, действуя на юные характеры, воспитывала в них привычки и наклонности мирно-благожелательные и одушевляла их любовью ко всем. В этих школах сообщались детям только положительные и верные знания в дружеских разговорах учеников с наставниками, посвященными в тайну познания человеческой природы.

3. В 1816 году он дал Фальку, голландскому посланнику, проект уничтожения нищенства посредством учреждения приютов для бедных и предоставления им общественных работ. Фальк одобрил этот проект и представил его своему правительству, которое в следующем году действительно и учредило “Колонию бедных” и “Благотворительное общество”. Автор предварительно представлял свой проект кабинету лорда Ливерпуля, и, без сомнения, он бы согласился на опыт, если бы в советах правительства, при всем их чисто мирском характере, не преобладало клерикальное влияние. И если бы план этот был принят в тех размерах, на которых настаивал автор, то бедные и рабочие классы с тех пор уже значительно поднялись бы. Более 10 миллионов рублей напрасных издержек было бы сэкономлено, взамен того получилось бы более миллиарда рублей дохода, произведенного новою, правильно организованною промышленностью. Не нужно было бы требовать билля об изменении закона для бедных; не было бы в Англии и Ирландии населения, умирающего с голоду; не слышно было бы жалоб стольких несчастных, и чартизм не существовал бы.

4. В том же 1816 году основатель разумной системы общества представил прусскому посланнику, барону Якоби, план новой системы народного воспитания и подробное изложение здравых начал общего управления. Через того же посланника основатель системы получил ответ короля, в котором тот благодарил автора и выказывал такое сочувствие его системе, что изъявил намерение поручить своему министру внутренних дел применить ее во всех прусских областях, где только будет возможно.

5. Основатель разумной системы деятельно помогал Беллю и Ланкастеру в утверждении их планов воспитания. Он дал первому из них более 10 тысяч рублей и обещал еще 10 тысяч, если эти народные школы будут открыты для всех детей, без различия сословий и религий.

О предложении этом спорили в комитете два дня, и оно было отвергнуто весьма ничтожным большинством голосов.

6. В 1816 и 1817 годах Оуэн посетил замечательнейших, передовых людей Франции, Швейцарии и части Германии. Товарищами его в дороге были, между прочим, Кювье и Пикте. В это время он был представлен герцогом Кентским герцогу Орлеанскому, нынешнему (1840 год)

французскому королю. Он посетил также замечательнейшие воспитательные заведения материка, особенно Фелленберга и Песталоцци, получая из уст государственных людей, законодателей, наставников такие сведения, какие только могли быть сообщены лучшими умами того времени.

7. В 1822 и 1823 годах Оуэн поднял в Ирландии вопрос о народном воспитании и об использовании нищих на фабричных работах. Здесь он был принят католическими и протестантскими епископами, главами аристократии и самыми образованными людьми этой страны. Он собирал несколько многочисленных и оживленных митингов в Дублине и взялся представить обеим палатам прошения, говорившие в пользу *разумной системы*. Значительные, хотя, впрочем, все-таки недостаточные суммы были выделены здесь на осуществление задуманных планов.

8. В 1824 году Оуэн отправился в Соединенные Штаты, посетил там всех бывших тогда в живых президентов, собрал о многих политических, административных и социальных вопросах мнения таких непохожих друг на друга и столь опытных людей, как Джон Адаме, Джефферсон, Монро и так далее. Он беседовал с членами высшего суда, два раза выступал в конгрессе и получил со всех сторон благодарности за свои указания, заслужившие общее внимание. Потом он развил свои идеи в главнейших городах Союза и во время двух своих путешествий входил в сношения со всеми замечательнейшими людьми Штатов.

9. В 1828 году Оуэн приехал в Мексику с намерением официально принять на себя управление Техасом, чтобы предотвратить бедствия, которых театром сделалась с тех пор эта провинция. Он представил на этот счет мексиканскому правительству записку, составленную им в Европе и предварительно показанную посланникам значительнейших американских держав. Поддерживаемый ими и опираясь на рекомендацию Веллингтона перед английским посланником в Мексике, лордом Пакенгамом, Оуэн вошел в переговоры. Сам лорд Пакенгам взялся изложить его планы на официальной конференции; он представил в высшей степени похвальный отзыв о методе Оуэна, о его личности и о качествах, делавших его вполне способным к выполнению задуманного дела. Президент отвечал, что мексиканское правительство серьезно рассмотрит это дело и что жаль только, что управление Техасом не вполне зависит от Мексики. Потом он присовокупил: “Если Оуэн согласится взять на себя управление территорией гораздо более обширной, мы можем ему предложить область, лежащую между Тихим океаном и Мексиканским заливом и образующую в большей своей части границу между Мексиканским союзом и

Соединенными Штатами”. При этом великодушном предложении господина Пакенгама и Оуэна не могли удержать своего изумления. Впрочем, когда начались объяснения, Оуэн потребовал, чтобы его провинция была предоставлена полная религиозная свобода. Президент отвечал, что это условие может служить помехою, так как в Мексике господствует католическое исповедание, но что он представит конгрессу предложение о введении в Мексике веротерпимости, подобно Соединенным Штатам. “На этих основаниях, – сказал тогда Оуэн, – я соглашаюсь; как скоро закон будет принят, я примусь за дело”.

10. В своих путешествиях Оуэн мог убедиться, сколько несогласий и губительных антипатий существовало между Соединенными Штатами и Англией; он понял, что дело может дойти до того, что Штаты заключат союз с северными державами, враждебными Англии. Оуэн хотел попытаться сделать эти отношения более дружелюбными и искренними. Он отправился в Вашингтон и попытался показать Ван-Бюрену, тогдашнему министру, насколько противны здоровой политике отношения двух держав; на конференциях, продолжавшихся десять дней, вопрос был совершенно разъяснен...

11. Видя, что мексиканское правительство не может хорошенько уладить религиозный вопрос в границах, предложенных Оуэном, и понимая, что положение Мексики не дает достаточных гарантий для спокойного и последовательного осуществления его идей, Оуэн отказался от общинных опытов в чужих странах и обратился к своей родине, которая нуждалась в его преобразованиях не менее или еще больше, чем всякая другая страна. Поэтому он употребил последние десять лет на распространение среди английского населения здравых понятий и на приготовление его к той мирной реформе, которую он в состоянии теперь возвестить миру...

В тот самый период времени Роберт Оуэн написал и издал первую из семи частей “Книги нового нравственного мира”, долженствующей заключать в себе изложение науки о природе человека. Такой книги доселе не доставало человечеству, и автор будет защищать ее против любого, кто сочтет своим долгом или найдет выгодным нападать на нее.

Издание этой книги сопровождалось появлением множества других произведений Оуэна о различных предметах: о религии, о браке, о личной собственности, о народном воспитании, о занятиях работников.

Вот вкратце изложение того, что сделано Оуэном для состарившегося, одряхлевшего мира. Но это ничего не значит в сравнении с тем, что задумано им для того, чтобы исторгнуть человека из нищеты, раздоров,

унижений, пороков и бедствий.

Теперь одно слово насчет моего представления ее величеству королеве. Я спрашиваю, кому из нас троих всего более чести принесло это свидание? Тому ли старику семидесяти лет, который более полувека искал приобретения редкой между людьми мудрости с одной целью – приложить ее к облегчению бедствий несчастных и который, в видах осуществления своих планов, позволил даже нарядить себя как обезьяну и склонил колено перед молодой девицей, – прекрасной, конечно, но вовсе не опытной? Или министру, который заставил этого старика подвергнуться подобным формам этикета и потом в речи, полной нелепостей, почти отрекся от всего этого дела, которого был двигателем и которое некогда, может быть, будет считаться лучшим и важнейшим делом его правления? Или наконец – этой молодой девушке, пред которой преклонял колени семидесятилетний старец?..

Двадцать два года тому назад в адресе моем, представленном через лорда Кэстельри европейским монархам, собравшимся на Аахенском конгрессе, я объявил, что в моих проектах и действиях я совершенно чужд всякого желанья каких-нибудь почестей и привилегий.

Однако же глава нынешней оппозиции в палате депутатов счел важным преступлением мое представление ее величеству и воспользовался им как оружием против министра, который это дело устроил.

Неужели нынешний сэра Роберт Пиль мог поднять подобный вопрос вполне серьезно и не краснея?

Разве позабыл он, что старый Роберт Пиль, отец его, в продолжение многих лет был в наилучших отношениях со мной и считал полезным добиться перед палатою депутатов осуществления моих идей и принятия, хотя и со множеством искажений, моего билля о работе детей на фабриках?

Старый Роберт Пиль был человек практический, старавшийся найти себе опору не в пустых словах, а в предметах существенно-полезных и плодотворных. Он был опытный человек, серьезно и добросовестно взвешивавший и обсуждавший мысли, которые представлялись его рассмотрению. Я спрашиваю теперь у почтенного предводителя отчаянной оппозиции, восставшей теперь в палате депутатов, – помнит ли он мой визит достоуважаемому отцу его, сделанный перед одним из моих путешествий в Соединенные Штаты, в то время, когда он, нынешний сэра Роберт Пиль, член кабинета лорда Ливерпуля, находился в фамильном своем имении, в Дрейтан-Холле? Если он не забыл этого, то должен вспомнить и то, что я тогда привозил с собою около двухсот планов и рисунков, относящихся к моей системе. Они предназначались для

президента Соединенных Штатов, в комнатах которого и были потом выставлены и может быть и теперь еще находятся. Сэр Роберт Пиль-отец посвятил много часов рассмотрению этой единственной в мире коллекции, в которой я указывал средства совершенно переделать внешние обстоятельства, определяющие характер человека, и открыть перед будущими поколениями возможность гораздо более благородного употребления сил и гораздо обильнейший источник наслаждений. Долго разбирал и изучал он предмет в самой его сущности, средства осуществления, научные данные, которыми определялась общая гармония и великое значение всей совокупности моей системы, причем после этого строгого рассмотрения он несколько минут оставался в безмолвном изумлении и затем произнес вот какие слова, замечательные по их глубине и справедливости: “М-р Оуэн, – сказал он мне, – во всем королевстве не найдется четырех человек, которых образование было бы достаточно обширно и разнообразно, чтобы оценить значение столь великих соображений; но если бы много было людей, которые могли бы понять вас так, как я, то они тотчас признали бы, что изменения, задуманные вами, могут произвести гораздо более, чем вы сами можете обещать”. Затем он прибавил: “Мой сын Роберт теперь здесь. По всей вероятности, он не поймет ваших соображений, потому что не имел еще случая заниматься изучением подобных предметов. Но оставайтесь у нас до завтра. Вы увидите его за обедом, и мы попробуем несколько затронуть его ум, раскрывши перед ним ваши проекты”. Я остался, исполняя просьбу достойного баронета, но мне и тогда нетрудно было заметить, что сэр Роберт Пиль нынешний вовсе не имел ни нужных сведений, ни опытности для того, чтобы, обнять предмет, бывший не по силам его разумению. Я свидетельствую мое глубокое уважение ко всей этой фамилии, но мне грустно видеть, до какой степени политические предубеждения искажают самые блестящие достоинства.

Что касается достопочтенного прелата Экзетерского и его речи, произнесенной на прошлой неделе в палате лордов, то я считаю себя вправе заключить, что ему еще нужно хорошенько уразуметь те заблуждения, безнравственности и хулы, против которых он гремел так продолжительно. Я убежден, что самый последний из многих тысяч мальчиков, учащихся в моих школах, объяснил бы все это гораздо удовлетворительнее и разумнее, нежели этот благородный лорд в полном собрании парламента.

Но серьезно размысливши обо всем этом, я пришел к тому, что сказал себе: “Почтенный виконт, государственный министр, почтенный

предводитель оппозиции в Нижней палате и достопочтенный прелат Экзетерский имеют каждый свой характер, сложившийся особенным образом и насильственно увлекающий их, отчего их заблуждения становятся невольными, неизбежными и, следовательно, достойными сострадания, а не брани. Разумная любовь и религия, которые некоторым образом дремали во мне при чтении речей этих благородных господ, теперь вновь заговорили во мне со всей своей силой и чистотой. Поэтому я забываю и прощаю все, что они могли сказать. Мне кажется, что их старая общественная система не должна им внушить столь же прямодушной, искренней любви ко мне, и это обстоятельство еще более увеличивает мое сострадание к ним.

Облегчивши мое сердце от этих мелочей, я перехожу к размышлениям более серьезным и важным.

В английском парламенте предлагали подвергнуть преследованию некоторых из последователей *разумной системы* общества; правду сказать, – в этом было бы очень мало разумного.

Я – изобретатель, основатель и открытый проповедник этой системы и всех заблуждений, безнравственностей и хулений, которые она содержит, – если только можно найти в ней хоть тень чего-нибудь подобного.

Я один виновник, и следовательно, меня одного нужно – если это необходимо – преследовать и казнить за все те гадости, какие в ней могут скрываться. Я готов доказать первому министру короля, что разумная система в том виде, как я ее преподавал, вовсе не есть нелепость; главе оппозиции я готов доказать, что система эта возвещает истины чрезвычайно важные и полезные; наконец, епископу Экзетерскому я докажу, что разумная система, возвещенная мною миру, содержит несравненно менее вещей безнравственных и безрассудных, чем сколько было их во всех бесчисленных учениях, столь долго связывавших и унижавших человечество.

Если бы те, которые стоят во главе управления нашей страной, имели несколько мудрости, то, видя, что умы заняты этим предметом во всех странах мира, они выбрали бы людей образованных, опытных и практических, умеющих понимать само дело, а не одни слова, – и поручили бы им тщательно и всесторонне рассмотреть всю мою систему для того, чтобы получить точное и верное понятие об этом открытии, которое должно обеспечить счастье на земле не только настоящим, но и будущим поколениям.

При таком разумном образе действий открыто и всенародно будет поведено миру о том, что есть ложного в моей системе, – если найдется в

ней что-нибудь ложное, равно как указано будет для пользы общества и на то, что в ней есть истинного и доброго, – если в ней окажется что-нибудь истинное и доброе.

Требуя этой меры, я имею в виду не личную мою выгоду. С самого начала моего поприща, когда у меня не было никакой опоры, я не боялся, единственно в интересах самой истины, входить в противоречие с самыми закоренелыми предрассудками. Уже с тех пор я приготовился и к денежным штрафам, и к тюремным заключениям, и даже к самой смерти на эшафоте... И что могут значить все подобные неприятности для человека, который весь проникнут одним желаньем – быть полезным человечеству? Взамен штрафов, заключения и бесславного конца я, напротив, встретил любовь и сочувствие человечества; я прожил жизнь свою мирно и без шума, счастливый самим собой и своим семейством. Семья Оуэна – одна из самых счастливых как по сю, так и по ту сторону Атлантического океана. Правда, что я весь излишек своего состояния до последнего шиллинга посвящал пропаганде моего дела, так как деньги не могли не содействовать его успехам; но достопочтенный прелат совершенно ошибается, когда утверждает, что я потерял мое состояние в роскоши и мотовстве. Ни одного фунта стерлингов не употребил я на какое-нибудь пустое дело; я в состоянии доказать это благородному прелату и вызываю его представить хотя бы малейшее доказательство противного.

После этого торжественного объяснения мне нечего более беспокоиться о том, что скажут обо мне в парламенте или вне парламента. Моя жизнь служит настоящим ответом на все клеветы, какие еще могут на меня придумать. Минутная популярность мало имеет для меня значения; забота же о своей репутации после смерти кажется мне нелепостью... Я счастлив в моей жизни, я буду счастлив в смерти и еще более – независим от этого мира, дряхлого, безнравственного и неразумного.

Роберт Оуэн

Лондон, 2 февраля 1840 г.”.

ГЛАВА XIII. СМЕРТЬ И ИТОГИ ЖИЗНИ

Последние годы Оуэна. – Его вера в человеческий прогресс. – Светлый взгляд на жизнь. – Новое издание сочинений. – Увлечение спиритизмом. – Общество социальных наук. – Поездка в Ливерпуль. – Последнее чтение. – Смерть на родине. – Итоги жизни. – Личность Оуэна

Последние пятнадцать лет своей жизни Роберт Оуэн уже не принимал активного участия в общественной деятельности; но тот интерес, то искреннее сочувствие всякому делу, направленному к общественной пользе, которыми он отличался ранее, не покидали великого старца до последней минуты жизни. Горячая вера в прогресс, в близость лучшего будущего человечества, составлявшая преобладающую черту этой в полном смысле слова *идеальной* натуры, была его главной опорой посреди всех его неудач, которые поэтому никогда не заставляли его падать духом. В одну из самых тяжких минут, при подобных обстоятельствах, он сказал одному из своих друзей:

“Стараясь следить за событиями, имевшими наибольшее влияние на мою жизнь и судьбу, я заметил, что всякий случай, казавшийся мне вначале самым несчастным, впоследствии приводил к самым благодетельным результатам, и обратно: то, что сперва казалось мне большою удачей, зачастую оказывалось потом причиною разных неудач и несчастий. Поэтому я всегда жду, пока могу оценить последствия: если они хороши – я радуюсь, если дурны, то мое огорчение приходит ко мне постепенно, и потому менее мучительно”.

В эти последние годы он издал вновь многие из своих прежних сочинений, между прочим план реформ, необходимых для улучшения бедственного положения несчастной Ирландии. В 1849 году, после революционной бури, пронесшейся по Европе и отразившейся в Великобритании чартистскими мятежами и ирландским восстанием, Оуэн напечатал свою новую книгу, названную им “*Переворот в уме и жизни человечества*” (“*Revolution in the mind and practice of the human race*”), в которой он призывает всех недовольных к установлению нового

общественного порядка *мирным путем*. В последний год его жизни вышла его краткая автобиография, о которой уже упоминалось.

Враги Роберта Оуэна немало потешались и злобствовали по поводу его увлечения спиритизмом. Но следует помнить, что ему шел в это время уже восьмидесятый год и слух его ослаб, так что при почти детском простодушии и доверчивости, отличавших этого человека, никогда не произнесшего слова лжи, он легко мог сделаться жертвою обмана. К тому же, пожалуй, будет слишком жестоко осуждать удрученного годами старика, если он находил утешение в словах, передаваемых ему от имени умерших друзей, работавших вместе с ним, в которых он верил и которых любил.

В середине пятидесятых годов в Англии возникло известное Общество социальных наук (Social science Association), к деятельности которого Роберт Оуэн относился с живейшим сочувствием и одним из главных деятелей которого был его старый друг, лорд Брум. На первом конгрессе этого общества в Бирмингеме в 1857 году Оуэн читал свой доклад “*Об управлении людьми без помощи наказаний*”. В это время ему было восемьдесят пять лет. Следующий конгресс общества собрался в 1858 году в Ливерпуле, и хотя за это время силы старика значительно ослабели, но он все-таки поехал туда в сопровождении одного из своих друзей. По приезде в Ливерпуль он почувствовал себя так худо, что должен был лечь в постель; однако через некоторое время потребовал, чтобы его отнесли в зал собрания. Опираясь на руку своего друга, лорда Брума, Оуэн выступил вперед и начал чтение своего доклада; но старческие силы изменили ему, он лишился чувств, и друзья должны были отнести его домой.

Несколько оправившись после двухнедельного отдыха в Ливерпуле и чувствуя приближение смерти, Оуэн поехал в свой родной городок Ньютаун, где хотел умереть. Его старший сын Роберт Дейл Оуэн, поселившийся в Америке и бывший в то время посланником Соединенных Штатов в Неаполе, поспешил туда и еще застал его живым. Вот как он описывает последние минуты отца:

“17 ноября 1858 г.

Все кончено. Мой дорогой отец умер сегодня утром, без четверти в семь часов, так тихо и спокойно, как будто заснул. Не было заметно ни малейшей конвульсии в теле или содрогания мускула, ни малейшего следа страдания на лице. Его дыхание становилось постепенно все медленнее и прекратилось почти незаметно, так что я, все время державший его за руку, не мог

уловить момент, когда он перестал дышать. Его последние слова были: “Настал покой...”

Роберт Оуэн был похоронен на живописном маленьком кладбище Ньютауна, на берегу Северии, в той же могиле, где лежали его отец и мать.

Мы сказали в предисловии, что многие считают Роберта Оуэна утопистом, растратившим свое состояние^[8] в безумных филантропических предприятиях. Между тем мы видим теперь, что большая часть его жизни прошла в борьбе с тем ближайшим злом и в изыскании практических средств помощи окружающим в тех бедствиях, которые происходили у него на глазах. Первый и единственный вначале радатель о фабричных рабочих и их детях, Роберт Оуэн являлся одним из лучших знатоков фабричного дела в Англии, знакомым с ним до мельчайших технических подробностей. Практический успех его Нью-Ланаркской колонии, послужившей образцом для всех последующих учреждений этого рода, говорит об этом красноречивее всяких слов. Первое фабричное законодательство и кооперативные товарищества, идея которых бесспорно принадлежит Оуэну, получили громадное развитие в современной жизни. Уже одних его трудов по народному воспитанию, в частности учреждения первых в Англии школ для детей младшего возраста, не говоря уже о его широких, гуманных взглядах на это великое дело, – вполне достаточно, чтобы поставить его в ряду первых работников на пользу общества. Даже его неудачные попытки по части насаждения земледельческих и промышленных общин и учреждений для обмена труда не пропали даром. Это были драгоценные, поучительные опыты в той непрерывной борьбе за более справедливое распределение продуктов труда и всеобщее пользование успехами знания, которая составляет одно из выдающихся явлений современной жизни.

Но как ни велики перед людьми заслуги Роберта Оуэна с этой стороны, личность его прежде всего поражает гармоническим сочетанием в ней самой высокой любви к людям и правде и безграничной веры в человека с непрестанным самоотверженным трудом для достижения всеобщего человеческого счастья. Это была в полном смысле слова прекрасная, цельная человеческая жизнь. Говоря словами его английского биографа, “ всю свою жизнь он работал для народа, умер за эту работу, и последняя его мысль была – о счастье народном”.

Примечания

1

Методисты – одна из самых распространенных евангелических сект в Англии и Америке, представляющая как бы возрождение пуританства. Методисты не признают священства и принятых форм богослужения. Деятельность их была более всего распространена среди рабочего населения промышленных городов.

2

причесок

Мюль – одна из главных машин для прядения, составляющая в усовершенствованном виде необходимую принадлежность каждой прядильной фабрики и в настоящее время. Изобретена Кромптоном в 1779 году.

4

Cotton-Lord (бумажный лорд) – так называли в то время в Манчестере богачей-фабрикантов.

5

laisser faire – безучастность, равнодушие, безразличие (с чьей-либо стороны) (фр.).

Томас Мальтус (1766–1834) – английский пастор и профессор политической экономии в коллегии Ост-Индской компании. В 1798 году он издал свой знаменитый “Опыт о принципах народонаселения”, в котором доказывал, что население увеличивается в геометрической пропорции (1, 2, 4, 8, 16...), а средства для пропитания – только в арифметической (1, 2, 3, 4, 5...).

Во Франкфурте Оуэн перед тем представлялся императору Александру I, принявшему его весьма благосклонно.

Сумму, истраченную Оуэном на осуществление разных его планов, оценивают в 1200 тысяч рублей.